

РАЗДЕЛ 1

**В. Г. Базанов – ученый-литературовед,
фольклорист и организатор науки**

Николай Васильевич Базанов (1934–2003),

кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник,
Институт социально-экономических проблем Российской академии наук

Что скрывалось за благополучной судьбой...

подготовка к печати канд. экон. наук, доцента

Санкт-Петербургского государственного университета А. Н. Базанова

В этом году исполняется 80 лет со дня рождения Василия Григорьевича Базанова, видного советского филолога, известного историка литературы, фольклориста и литературного критика, занимавшего видное место в научной и литературно-общественной жизни послевоенного Ленинграда. В течение 10 лет он возглавлял Институт Русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР, три десятилетия являлся членом правления Ленинградской Писательской организации, был постоянно связан с развитием магистральных направлений гуманитарных наук, самым активным образом участвовал в литературных процессах нашего трудного времени.

Круг его научных и литературных интересов охватывал широкий диапазон различных эпох и направлений отечественной литературы, он был великолепным знатоком народного поэтического творчества, вдумчивым, оригинальным исследователем русской поэзии. О творческом методе В.Г. Базанова, принципиальных позициях в науке хорошо сказал его ученик, известный фольклорист Л. Емельянов: «...связи литературы с народной жизнью, с народной поэзией теперь в новейшие времена стали многообразнее, сложнее, тоньше. И воистину нужно было обладать базановской эрудицией, его научно-художественной зоркостью, наконец, не побоюсь этих слов, особой точностью его эстетического вкуса, чтобы уловить и выразить все бесчисленные тонкости этого знаменательнейшего для русской литературы процесса – творческого влияния народа, его нравственно-социальных и художественных традиций на развитие литературы от Пушкина до Есенина. Эта задача была делом всей жизни Василия Григорьевича Базанова. И решал он ее, как и все, что он делал, глубоко и основательно».

Перу В.Г. Базанова принадлежит около двух десятков крупных монографий, вызвавших большой читательский интерес, его фундаментальные исследования «Очерки декабристской литературы», «Ученая

республика», «Русские революционные демократы и народники», «От фольклора к народной книге», «Поэзия русского Севера», обширный цикл работ о А. Блоке, С. Есенине, Н. Клюеве способствовали развитию перспективных направлений в советской литературной науке.

В.Г. Базанов был избран член-корреспондентом АН СССР, входил в состав Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы и искусства, был организатором и первым редактором журнала «Русская литература» – подлинного флагмана советского литературоведения, возглавлял издание столь ценимой у любителей книги серии «Библиотека поэта» издательства «Советский писатель». В последние годы жизни (умер в 1981 г.) В.Г. Базанов руководил изданием академического Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского.

Как видим, В.Г. Базанов достиг многого в жизни, его творческие успехи общеизвестны, и судьба, казалось бы, к нему была благосклонна. Живя в неимоверно тяжелые годы середины нашего века, будучи неотделим в своей судьбе от жизни народа, он избежал страшной участи тысяч людей, ставших жертвами преступного произвола культа личности, павших на огненных полях войны. Однако внешне благополучная его дорога в жизни была вовсе не гладкой, не раз приходилось преодолевать тяжелейшие ухабы и коварные препятствия, которые ставили время и судьба, но во всех ситуациях он всегда оставался самим собой, верным собственной совести и своим убеждениям.

Подробно написать о В.Г. Базанове собирался Федор Абрамов, но не успел сделать это, пережив его только на два года. Но остались записи, сделанные Ф.А. Абрамовым в день похорон друга. Он писал: «Василий Григорьевич Базанов был личностью. И личностью крупной, самобытной, накладывающей свой отпечаток на весь окружающий мир, на всех, кто общался с ним, на события... Как ученый опять же он был неординарен, самобытен и оригинален. Для меня он один из последних той вымирающей ныне породы, которую в старину называли народниками, почвенниками. В.Г. был истинным народником во всем. Не только в исследованиях: Фольклор, народные книги и т.д.

Но он был народником в поведении. В образе жизни».

По своему, но довольно близко к мысли Федора Абрамова, отразился его личностный образ в небольшой скульптуре, преподнесенной Васи-

лию Григорьевичу по случаю 60-летнего юбилея известными ленинградскими литераторами Даниилом Гранином и Георгием Макогоненко. Эта статуэтка, выполненная в жанре дружеского шаржа, изображала юбиляра в виде босоногого сеятеля, но в брюках с генеральскими лампасами, сеющего «вечное и доброе», разбрасывая из лукошка тома своих книг... Статуэтка хранится в нашей семье, постоянно напоминая о Василии Григорьевиче. Вместе с вещественными символами в памяти сохранилось немало эпизодов из его жизни, ярко характеризующих облик моего отца, поэтому и возникла мысль поделиться ими, понимая, естественно, субъективное их восприятие и потому ни в коей мере не претендуя на создание законченного портрета В.Г. Базанова.

Постоянно отмечаемая всеми знавшими Василия Григорьевича людьми простота и доступность в общении, истинный, ни в коей мере не показной демократизм во многом определялись влиянием среды, в которой он рос, воспитанием, которое он получил в многодетной семье простого прораба сплавных работ в затерянном в глухих костромских лесах маленьком городке Кологриве.

Город этот, как рассказывал отец, если и известен чем, то прежде всего наличием вокзала при отсутствии самой железной дороги, благодаря чему город может по праву претендовать на место в книге рекордов Гиннеса. А стал возможным этот неординарный случай во время прокладки железнодорожного пути в Сибирь: по первоначальному проекту дорога должна была проходить через Кологрив, и в преддверии этого знаменательного события городские власти выстроили здание вокзала. Однако железная дорога угрожала прибылям судовладельцев, осуществлявшим перевозки по реке Унже. Поэтому они всеми доступными им средствами – законными, а порой и незаконными – убедили проектантов перенести строительство дороги южнее, а воздвигнутый с тщеславной поспешностью вокзал стал городской достопримечательностью, в течение уже 100 лет приспособляемой под различные нужды города.

Название города Кологрива упоминается на страницах романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»: когда компаньоны в поисках сокровищ покойной тещи Кисы Воробьянинова прибывают в столицу, они останавливаются в общежитии, в комнате вечного студента Иванопуло, а его соседа, почетного гражданина города Кологрив, Остап

Бендер предлагает в качестве секунданта незадачливому ухажеру. По всей видимости, авторам романа Кологрив представлялся символом глухомани, забытым богом местечком, где студент из Москвы, пусть даже вечный, должен был восприниматься как носитель иной, высшей формы цивилизации, в которой, естественно, нет места аборигенам. А в этом небольшом городке, действительно далеко, оторванном от промышленных и культурных центров страны, начиналась, к примеру, творческая деятельность ныне всемирно известного художника – примитивиста Ефима Честнякова. Уроженцами Кологрива и деревень одноименного уезда были человек трагической судьбы, знаменитый командующий Западным фронтом в первые дни войны генерал армии Д.Г. Павлов; видный писатель, автор исторических романов об освоении русской Америки С.Н. Марков, крупный ученый-эпидемиолог, главный санитарный инспектор СССР С.С. Елкин. И, наконец, следует упомянуть, что Президентом Ленинградского Математического общества является уроженка Кологрива – академик О.А. Ладыженская. Речь, конечно, идет не о каких-то исключительных свойствах земли Кологривской, любой уголок России может похвастаться целым созвездием талантов, выросших на их благодатной почве, но очевидно, что «собственных Платонов и быстрых разумов Невтонов» способны рождать не только столицы и благодатные края на теплых берегах Черного моря.

Вернемся к жизненному пути В.Г. Базанова. В 17-ти летнем возрасте он поступает на учебу в Ярославский пединститут. Это уже 1928 год со всеми перипетиями того бурного времени. В институт приходит донос, в котором говорится, что молодой человек скрыл при поступлении свое нетрудовое происхождение, т.к. его отец – Г.С. Базанов – является владельцем лавки и двухэтажного каменного дома. Получив столь компрометирующий материал, руководство института без всякой проверки принимает решение о немедленном исключении неблагонадежного студента. Истина же в этом деле заключалась в том, что всей указанной недвижимостью владел не скромный служащий лесосплавной конторы, а младший, более удачливый в жизни брат отца. Год ушел на «отмывание» от выдвинутых обвинений и приобретение необходимого трудового стажа, после чего открылась дорога к поступлению на педагогический факультет Нижегородского Университета. Природные задатки и трудолюбие помогли ему успешно завер-

шить университетское образование, тем более что он был намного младше своих сокурсников и всегда мог рассчитывать на их внимание и помощь. Спустя 40 лет после окончания Университета, когда он приехал в Горький на юбилей своего выпуска, выяснилось, увы, что в живых остались только двое, остальные были либо репрессированы еще в довоенное время, либо не вернулись с войны.

Стремление к дальнейшему совершенствованию знаний, к научному поиску привели его в Ленинград, в знаменитый тогда Государственный институт Речевой культуры (ГИРК). Целый год, живя в неотапливаемой комнате в Петергофе, он увлеченно и с огромной целеустремленностью работал над избранной темой – антинигилистическими романами Н.С. Лескова. Но так уж складывалась его судьба, что и на этот раз жизненный путь сделал крутой поворот. В атмосфере устанавливавшегося казарменного единообразия в 1934 г. ГИРК, внесший заметный вклад в развитие отечественной филологической науки, был закрыт. Воронежский университет стал тем местом, где нашел прибежище молодой аспирант. В гостеприимном городе он закончил свое образование, получив направление на работу в Карельский пединститут.

Начался петрозаводский, очень важный этап в жизни и творчестве В.Г. Базанова. Именно тогда был заложен фундамент всей дальнейшей научной деятельности. Он проявил себя талантливым преподавателем, способным литературным критиком, активно выступавшим в литературно-художественных журналах Ленинграда и Петрозаводска, был принят в члены Союза писателей СССР, была защищена кандидатская диссертация. Уже в то время проявились основные черты, характеризующие его творческий метод. Сошлось снова на свидетельство его коллег: «...легкая рука была у Василия Григорьевича на архивные находки. Везло ему в этом отношении совершенно невероятным образом. Скажем, лежит в архиве какая-то коллекция. Есть ее опись, в которой зарегистрирован и описан каждый заключенный в ней документ. Опись смотрели десятки, а может быть, и сотни людей и не нашли для себя ничего примечательного. Но вот приходит Базанов и из этой же самой коллекции извлекает что-нибудь такое-этакое, что знающие люди только ахают. Таким образом была в свое время найдена неизвестная поэма Федора Глинки «Дева карельских лесов», так он обнаружил огромное количество интереснейших материалов

по истории декабризма, народничества, «потаенной литературы» 70-80 годов XIX века. ... Но и «везение», и «легкая рука» – все это, разумеется, лишь присказка. Сказка же в том, что везет, как известно, лишь тому, кто этого достоин, а «легкая рука» – это, строго говоря, просто талант. Василию Григорьевичу везло не только и не просто потому, что он лучше других знал, как искать и где искать. Важней другое: он знал, что искать. А еще вернее было бы сказать так: он открывал не только и даже, может быть, не столько сами материалы, сколько их подлинное (и никем до него не осознанное) значение для литературы» (Л. Емельянов).

Действительно, в эти годы В.Г. Базановым была как бы возвращена в русскую литературу фигура поэта-декабриста Федора Глинки, сосланного в Петрозаводск под тайный надзор полиции после поражения декабристского восстания. Он детально исследовал процесс создания поэтом известной поэмы «Карелия», высоко оцененной Пушкиным. В годы олонечкой ссылки Глинкой была написана и повесть в стихах «Дева Карельских лесов», автограф поэмы был обнаружен, как уже упоминалось, В.Г. Базановым в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи. Это открытие позволило установить авторство известного романа «Узник», который первоначально входил в текст этой поэмы, но только в 1831 г. был без упоминания имени автора опубликован в альманахе «Венера», а затем стал подлинно народной песней, так же как и написанное Федором Глинкой в Петрозаводске стихотворение «К почтовому колокольчику» – «Вот мчится тройка удалая».

В то же самое время проявился глубокий интерес В.Г. Базанова к фольклору, конкретно к русскому поэтическому народному творчеству, которое он рассматривал как неоценимый материал народознания, как огромное поэтическое национальное богатство, внесшее существенный вклад в развитие мировой культуры. «Трудно понять русскую поэзию прошлого и настоящего, – писал он, – без проникновения в идейную и эстетическую сущность фольклора». В те годы начались и его фольклорные экспедиции, дружба с талантливыми сказителями Русского Севера. Сложно, глядя в прошлое сегодняшними глазами, связать эти сугубо мирные занятия с условиями неимоверно трудной и напряженной обстановки предвоенных лет, пришедшихся на самый пик кровавых массовых репрессий, отягощенных своеобразной ситуацией, сложившейся тогда в Карельской АССР.

В общественно-политической и культурной жизни республики всегда значительное место принадлежало финнам. В первые два послереволюционных десятилетия во главе партийно-государственного руководства республики стояли известные революционеры, видные деятели Финляндской революции 1918 г. Областной комитет ВКП(б) возглавлял Густав Ровио, «красный полицмейстер» Гельсингфорса, в квартире которого в августе 1917 г. жил В.И. Ленин, скрываясь от преследований Временного правительства, здесь он заканчивал свою знаменитую работу «Государство и революция». Руководящие посты в республике занимали А.В. Шотман и Э.А. Гюлинг, также близко знавшие Ленина. Руководство республики тесно сотрудничало и пользовалось поддержкой С.М. Кирова, так на свой пост Г. Ровио в 1929 г. был рекомендован именно им.

Основную роль финны играли и в развитии науки, искусства и литературы Карелии. Подлинным оплотом культуры был в это время Карельский государственный национальный драматический театр, возглавляемый видным поэтом и режиссером, тоже бывшим красногвардейцем Рагнером Нюстремом (Руско). Ярким созвездием талантов блистала национальная литература, представленная прежде всего такими широко известными за пределами СССР именами, как поэт Ялмари Виртанен и прозаик Хильда Тюхля. В начале 30-х годов в обстановке острейшего финансово-экономического кризиса, охватившего капиталистические страны, в Советский Союз приехали тысячи прогрессивно настроенных людей, искренне стремившихся отдать свои силы, знания и опыт на дело строительства социализма в нашей стране. Одним из регионов, куда устремился поток приехавших, была Карелия. Тысячи человек из США и Канады, коммунистов и сочувствующих им людей, рабочих и инженеров, представителей науки и культуры, которые своим трудом значительно повысили духовный и интеллектуальный потенциал республики, дали мощный толчок развитию экономики и культуры Карелии.

Понятно, что наряду с безусловно огромным вкладом, вносимым буквально во все сферы жизни республики финским населением, со временем выявились заметные элементы элитарности, национальной замкнутости, наблюдались перекосы в кадровой политике, что в отдельных случаях приводило к определенному противостоянию на национальной почве. Вот хотя бы один, чисто бытовой пример. Существовавшие в это

время в Петрозаводске магазин и ресторан «Торгсина» – коммерческой организации по торговле с иностранцами (в какой-то мере предшественницы нынешней пресловутой «Березки») – обслуживали в основном финнов. Вначале это было связано с привезенными из-за рубежа валютой и драгоценностями, а затем такая практика переросла в традицию. Во всяком случае, отец вспоминал, что попасть в эти привилегированные заведения он мог только в сопровождении своих друзей-финнов. Кроме того, в духе господствовавшего в то время и характерного для условий авторитарного государства феномена «вождизма» улицы Петрозаводска носили имена руководителей республики, городскому парку было присвоено имя Густава Ровио. Естественно, что факты национального высокомерия вызывали порой недовольство населения.

А в обстановке начавшегося разгрома старых партийных кадров, недоверия к коммунистам-интернационалистам положение финнов в Карелии стало стремительно ухудшаться. В 1935 г. руководители республики были смещены, отозваны в Москву и спустя два года репрессированы. Затем волна жестоких гонений стала захватывать все более широкие слои финского населения, был в буквальном смысле уничтожен весь цвет интеллигенции Карельской АССР. У читателя может возникнуть мысль, что жертвами репрессий в Карелии были одни финны; нет, конечно, кровавый молох сталинского произвола поражал все национальные и социальные группы населения республики, но в Карелии первый и самый безжалостный удар пришелся на финнов.

Как трудно было жить и работать в этой угнетающей обстановке, постоянно думая: «Чья очередь следующая?» Более чем наполовину опустевший дом профессорско-преподавательского состава Карельского пединститута каждую ночь напряженно ждал шагов по лестнице, страшного стука в дверь. В этой напряженной атмосфере взаимного недоверия и подозрительности требовались большое мужество и высокие душевные качества, чтобы оставаться по-человечески честным. О позиции В.Г. Базанова свидетельствует писатель и критик Урхо Руханен, член Союза Писателей СССР с 1934 г., арестованный в конце 1937 г. Он вспоминает, как на допросе в Ленинграде в тюрьме на ул. Воинова следователь спросил его: «Кто может подтвердить свидетельства его невиновности?» Руханен пишет: «Посыпались вопросы о знакомых. Я решил назвать тех, кто мог без боязни отозваться обо мне

положительно». Среди двух упомянутых им имен фамилия его коллеги по Пединституту – В.Г. Базанова.

Лицемерным проявлением мрачного колорита стали пышные торжества в феврале 1937 г., посвященные памяти А.С. Пушкина, которые были приурочены к 100-летию гибели великого поэта. По всей стране развернулась шумная юбилейная компания, должная придать режиму личной власти Сталина более гуманный облик, дать ему возможность предстать в роли высокого покровителя культуры и науки.

Не обошли стороной торжества и Карелию. Выступить на республиканском юбилейном заседании было предложено маститому писателю Я. Виртанену и молодому, 25-летнему доценту Пединститута В.Г. Базанову. Доклады были сделаны на «высоком уровне и хорошо встречены участниками заседания», как гласили отчеты местной печати. Заседание транслировалось по радио, что в тогдашних условиях было чрезвычайным событием.

Но лишь самые близкие В.Г. Базанову люди знали, что предшествовало этому заседанию, с каким настроением готовился к выступлению докладчик. За несколько дней до торжественного заседания он получил повестку с вызовом в Наркомат внутренних дел. Что мог означать такой вызов в 1937 году? Сотрудник НКВД предъявил письмо, где В.Г. Базанов обвинялся в том, что он отказался выступить с лекцией о Пушкине перед рабочими крупнейшего и старейшего в республике промышленного предприятия – Онежского машиностроительного завода. Автор доноса утверждал, что в этом проявилось пренебрежительное отношение к рабочему классу, более того, приписывалось стремление спровоцировать недовольство рабочих.

Что же произошло на самом деле? Действительно, за неделю до дня торжественного заседания к В.Г. Базанову обратился представитель профсоюзной организации Онежского завода с просьбой выступить с лекцией о Пушкине перед рабочими в день 100-летней годовщины гибели поэта. Выступления перед рабочим коллективом столь славного своими трудовыми и революционными традициями предприятия всегда воспринимались как высокая честь, поэтому ни о каком отказе не могло быть речи, вопрос сводился лишь к уточнению времени проведения лекции, так как практически невозможно было совместить в один день два столь ответственных выступления. Посланец завода согласился с доводами В.Г. Ба-

занова, но затем, как выяснилось позднее, отправил донос в НКВД, извратив конкретные факты, возведя необоснованные политические обвинения. Получив разъяснения В.Г. Базанова, следователь НКВД, как говорится, отпустил его с миром.

...Оцепленное милиционерками здание Республиканского Драматического театра, строгая проверка документов, напряженная обстановка в президиуме, где в центре сидел П.А. Ирклис, заменивший на посту первого секретаря Карельского обкома ВКП(б) Густава Ровио. Латыш по национальности, он был направлен осенью 1935 г. в Карелию из Ленинграда, где при С.М. Кирове занимал пост секретаря обкома партии.

Во время заседания в президиуме произошел весьма знаменательный диалог. В качестве своеобразного «свадебного генерала» рядом с докладчиками и первым секретарем обкома сидел знаменитый сказочник Ф.М. Конашков, член Союза Писателей СССР, награжденный очень почетным для того времени орденом Трудового Красного Знамени, врученным ему лично М.И. Калининым. П.А. Ирклис – в паузе между выступлениями – обратился в столь характерной для партийных работников высокого ранга барско-покровительственной манере с вопросом к сказителю, живущему в глухой деревушке: «Что ты, Федор Михайлович, никогда ко мне не зайдешь, когда бываешь в Петрозаводске?» На что Ф.М. Конашков спокойно, но не без иронии, ответил: «Да я бы зашел, да больно лютая у тебя охранка». Но и эта охрана не могла изменить судьбу П.А. Ирклиса, как и всех входивших в ближайшее окружение С.М. Кирова. П.А. Ирклис ревностно выполнял установки высшего руководства страны, неуклонно проводя курс на безжалостную чистку партийных и советских кадров Карелии. С его именем связано уничтожение цвета интеллигенции республики, прежде всего финской. В конце того же страшного 37 года П.А. Ирклиса вызвали в Москву, где на перроне Ленинградского вокзала его встретили два человека, одетые в одинаковую штатскую одежду, но с одинаковой военной выправкой, обратившиеся к нему, со словами: «Вы Ирклис? Пройдемте с нами».

На его место прибыл из Ленинграда Г.Н. Куприянов, теперь уже ставленник А.А. Жданова, а потому позднее, в 1950 г., сам пострадавший по «Ленинградскому делу». Руководители менялись, но обстановка оставалась прежней, репрессии продолжались. В начале 1939 г. был арестован директор Карельского Пединститута П.Г. Грибков, близкий друг В.Г. База-

нова. Он обвинялся во вредительских действиях при строительстве нового здания института. В республиканской газете появилось письмо группы студентов, в котором все трудности в ходе строительных работ объяснялись враждебной деятельностью не только арестованного директора, но и ряда сотрудников института, названных «пособниками врага народа Грибкова». В их числе упоминалась и фамилия В.Г. Базанова. Чем это грозило упомянутым в газете лицам в условиях всеобщей подозрительности и недоверия? П.Г. Грибков в это время подвергался непрерывным допросам, от многочасового принудительного стояния ноги допрашиваемого опухали до такой степени, что полопались все швы на его ботинках, но его признания во вредительстве и оговора своих друзей и сослуживцев следователю выбить не удалось. К тому же на середину 1939 г. приходилась кратковременная, так называемая «либерализация» органов внутренних дел, связанная с заменой Н.И. Ежова Л.П. Берией, которому на первых порах было необходимо создать себе репутацию гуманного государственного деятеля. В результате определенное, но крайне немногочисленное число арестованных было выпущено из тюрем и лагерей, в первую очередь те, кто не подписал на себя показаний. В Петрозаводске среди этих «счастливчиков» оказался П.Г. Грибков, стойкость которого помогла ему самому обрести свободу, отвела беду от друзей.

Жизнь же шла своим чередом. После окончания «забытой», как ее называют сейчас, войны с белофиннами автономная Карелия была преобразована в союзную Карело-Финскую республику, причем почти что все переданные по мирному договору с Финляндией территории на Карельском перешейке оказались включенными в состав КФССР. Города Выборг и Кексгольм, носившие и в года царской империи, и в самостоятельной Финляндии свои старые шведские названия, срочно переименовали в псевдофинские Вийпуури и Кякисальми. По всему было видно, что руководство страны не оставило мысли подчинить себе Финляндию целиком. С далеко идущими целями формировалась структура органов управления новорожденной союзной республики, для чего требовались соответствующие кадры. Отношение к финнам резко изменилось, они снова были в почете. В Петрозаводске объявились на руководящих постах члены правительства так называемой Финляндской Демократической республики, внезапно появившегося в первые дни войны с бело-

финнами во взятых Красной Армией Териоках (ныне г. Зеленогорск) во главе с одним из руководителей Коминтерна О.В. Куусиненом. В Петрозаводск приехали видные финские коммунисты, представители прогрессивной финской интеллигенции, выпущенные по условию мирного договора из финских терем и интернированные в Советский Союз.

В Карелию устремился и поток финского населения, выселяемого из пределов Ленинграда и Ленинградской области. Статус союзной республики несомненно способствовал развитию народного хозяйства, науки и культуры, формированию мощного интеллектуального слоя, где в едином потоке на интернациональной основе сплотились духовные и физические силы карелов, финнов, русских, вепсов, представителей многих других национальностей.

Новые условия благоприятствовали научно-педагогической и литературной деятельности В.Г. Базанова. Он стал деканом историко-филологического факультета вновь созданного Карело-Финского Госуниверситета, вышли в свет его первые книги. Полные надежд и творческих планов встречали в гостеприимном доме моих родителей новый 1941 год. Среди гостей были сотрудники Университета во главе с его первым ректором Туре Лехеном (Туром Ивановичем, как называли его на русский манер), видным финским журналистом из числа коммунистов, эмигрировавших из Финляндии в СССР, человек такой же судьбы, как у Лехена, председатель Союза Писателей КФССР поэт Армас Эйкия, ближайший друг хозяина молодой, подающий большие надежды поэт Иван Кутасов, погибший через полгода в рядах истребительного батальона. Поднимались тосты за счастье в жизни, за мир, за новые творческие успехи...

В воскресный день 22 июня 1941 г. мы с отцом шли через центр города. Около 12-ти часов вышли на площадь Ленина, известную всем, кто побывал в Петрозаводске, своим классическим ансамблем губернаторских присутственных зданий. На площади под уличным репродуктором стояла в тревожном молчании толпа, ждали объявленное выступление В.М. Молотова. Через несколько томительных минут услышали страшную весть. Война!

Петрозаводск быстро стал прифронтовым городом. Началась эвакуация предприятий и учреждений города, формировалось народное ополчение, создавались истребительные батальоны. В.Г. Базанов, вступивший

в народное ополчение, был отозван, чтобы принять участие в эвакуации Университета, и до последних дней сентября находился в городе. Когда отправка в тыл имущества и семей сотрудников Университета была закончена, фронт вплотную приблизился к Петрозаводску. Сложив в один чемодан одежду и продукты, а в другой – любимые книги серии «Библиотека поэта», он вместе с группой сослуживцев на открытом грузовике поздно вечером отправился по единственной не отрезанной противником сухопутной дороге, ведущей из Петрозаводска по берегу Онежского озера на юг к небольшому портовому поселку в истоке Свири – Вознесенью, чтобы затем на судне перебраться в Вытегру.

Но в пути с Василием Григорьевичем случилось непредвиденное происшествие: он не нашел в карманах своего пиджака документов, что в условиях военного времени грозило самыми тяжелыми, необратимыми последствиями. Человек без документов, задержанный в прифронтовой зоне, мог легко быть принят за шпиона или диверсанта. Грузовик остановился, все стали обсуждать возникшую неожиданную ситуацию. Ехать дальше – даже в сопровождении хорошо знающих его людей – было опасно: любой патруль обязан был задержать человека без документов. Сообща решили, что единственный выход – возвращаться обратно в Петрозаводск, только там можно было получить новые документы.

Весь транспорт двигался исключительно в тыл, к Вознесенью. Прошло около двух часов прежде чем появился одинокий грузовик с военнослужащими, следовавший на север. С большой неохотой старший по званию офицер решил взять человека без документов с собой, пообещав сдать его в Петрозаводске в военную комендатуру. Под утро военная машина достигла окраины Петрозаводска – Кукковки, где в помещении контрольно-пропускного пункта В.Г. Базанову пришлось провести в напряженном ожидании несколько часов, пока не появился представитель городских властей, с которым он и был отпущен в город. Стоило попробовать искать документы дома. За истекшую ночь дверь квартиры была взломана, оставленное имущество разграблено, зато на полу веером лежали документы, оброненные им в спешке сборов минувшим вечером...

Своих коллег догнал он в столице Коми АССР – Сыктывкаре, где эвакуированный Карело-Финский Госуниверситет объединился с Коми Пединститутом. Летом 1942 г. Василий Григорьевич организовал фоль-

каторную экспедицию на берега северной реки Печоры, в район, широко известный своими традициями народного творчества, в рамках учебно-производственной практики студентов, целью которой было познакомить молодых филологов непосредственно с миром народного творчества, с бытом народа и личностью сказителя, пополнить новыми записями сокровищницу русского фольклора.

Сразу может возникнуть вполне закономерный вопрос: «Был ли смысл в грозное лето 42 года, когда страна напрягала все силы на борьбу с врагом, заниматься изучением фольклора?» Можно в определенной мере понять эту позицию. Вместе с тем следует учитывать, что это оказался первый опыт изучения военного фольклора. Изданная по материалам экспедиции книга В.Г. Базанова «Поэзия Печоры» сохранила подлинные свидетельства, бытовавших в военную пору настроений народа, значительно отлагавшихся от казенного оптимизма официальных летописцев. В книге были опубликованы замечательные патриотические плачи-сказы, в которых сказительницы Печоры на специфическом языке народной поэзии рассказывали о своей любви к Родине, ненависти к фашистским захватчикам, оплакивали своих близких, павших в борьбе с врагом, делились своими горестями в тяжелую военную годину.

Через два года Печорская экспедиция получила неожиданное продолжение. Весной 1944 г. из Москвы на имя В.Г. Базанова пришел срочный вызов за подписью тогдашнего председателя Комитета по делам искусств СНК СССР Б.М. Храпченко: ему предлагалось возглавить экспедицию в Туруханский край. В 1944 г. И.В. Сталину исполнялось 65 лет, и его сподвижники угоднически решили широко отметить юбилей вождя. Положение складывалось довольно щекотливое. В.Г. Базанов не относился к числу тех фольклористов, которые в довоенное время подталкивали сказителей к сочинению былин, песен, других жанров народного творчества, в которых прославлялись И.В. Сталин и его окружение, подчас даже фабрикуя их за сказителей. Василий Григорьевич понимал, что пребывание И. В. Сталина в ссылке вряд ли оставило среди населения Туруханского края столь уж неизгладимый след, чтобы он мог вдохновить на создание подлинных шедевров народного творчества. Проблема разрешилась самым удачным образом: сам вождь посчитал неудобным отмечать в годы войны юбилей, соответственно необходимость в экспедиции отпала.

Возвращаться в Сыктывкар В.Г. Базанову не пришлось. Карельский фронт готовился к проведению наступательной операции по освобождению оккупированной части республики. В.Г. Базанов был привлечен в качестве эксперта к работе Республиканской Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Поэтому сразу вслед за войсками, освободившими 28 июня 1944 г. Петрозаводск, буквально на первой гражданской машине комиссия прибыла в разрушенный, разграбленный оккупантами город. Василию Григорьевичу предстояло участвовать в оценке ущерба, нанесенного культурным ценностям Карелии. Оккупанты собирались надолго обосноваться в Карелии. Они переименовали ее столицу, которая была основана преобразователем России, названа в его честь и насчитывала к тому времени свыше 240 лет, дав городу название «Энислинна» (Онежский замок). Но почувствовав перелом в ходе военных действий на Восточном фронте и понимая неизбежность своего ухода с оккупированных территорий, они приступили к планомерному вывозу в Финляндию промышленного оборудования, сельскохозяйственной продукции, культурных ценностей, одновременно уничтожая все то, что нельзя было вывезти, в том числе здания Госуниверситета, Публичной библиотеки, дом крупнейшего русского поэта XVIII в. Г.Р. Державина.

С позиций сегодняшнего дня, наших нынешних представлений, не все, вероятно, было бесспорным в материалах комиссии. Например, некоторые здания города были взорваны еще осенью 1941 г. при отступлении Красной Армии. Поэтому финская сторона все послевоенные годы неоднозначно относилась к выводам комиссии. Через 10 лет, уже в хрущевские времена, когда встал вопрос о необходимости широкого международного научного сотрудничества, в т. ч. о направлении советских ученых в зарубежные научные центры, Академия Наук предложила В.Г. Базанову, известному своими работами по изучению национального финского эпоса «Калевала» в России, поехать в Финляндию для работы в архивах Хельсинкского Университета. Финские власти ответили отказом, тем самым сочтя его кандидатуру нежелательной именно из-за участия в деятельности Чрезвычайной комиссии.

Одной из первых, самых неотложных забот, с которыми пришлось столкнуться органам советской власти сразу же после освобождения Пе-

трозаводска, была судьба людей, находившихся за колючей проволокой в лагерях в окрестностях города. В этих лагерях, созданных финскими оккупационными властями, находилось большое число жителей Заонежского полуострова, заподозренных в связях с партизанами. Запертые в бараках, влачившие полуголодную жизнь, люди оставались верными своей Родине, ждали с нетерпением освобождения от неволи, делали все, что было в их силах, чтобы приблизить день своей свободы. Одной из форм протеста против гнета захватчиков стало создание настоящей лагерной литературы. Если пожилые женщины изливали свои чувства в форме традиционных для фольклора плачей и причитаний, то молодому поколению была ближе песенная культура. Песни и частушки, сочиненные в условиях лагерной неволи, в основном представляли переработку мотивов и образов русских народных и популярных советских песен, на их мелодии создавались новые тексты, пронизанные ненавистью к врагу, призывавшие к отмщению, полные веры в победу.

Встретившись с узниками лагерей, В.Г. Базанов сразу же понял подлинную уникальность этого явления и вместе со своей ученицей А.П. Разумовой упросил поначалу смущающихся и энергично упирающихся женщин спеть созданные в неволе причитания и песни, тщательно записывая все услышанное. Осенью того же года, когда бывшие узники лагерей возвратились в свои опустевшие, ограбленные, а нередко и полностью сожженные деревни Заонежья, В.Г. Базанов организовал новую фольклорную экспедицию на родину знаменитых певцов и сказителей, хранителей сокровищ русской народной поэзии. Был собран уникальный материал, включающий записи плачей и причитаний, спетых народными пленниками в таких трагических ситуациях, как получение похоронок с фронта, угоне детей в неволю.

По материалам записей, сделанных в экспедиции по деревням Заонежья, В.Г. Базановым была подготовлена статья «Сказы Заонежья», опубликованная в декабре 1944 г. в «Правде». В статье приводились тексты плачей, созданных после перенесенных пыток за отказ выйти на подневольную работу, при возвращении на пепелище родного дома. Вскоре из редакции газеты автору был переслан целый почтовый мешок с письмами читателей, в основном фронтовиков, в которых люди делились своим горем, благодарили за честную статью. В литературно-фольклорной экс-

педиции Государственного музея-заповедника «Кижь» рядом с портретом В.Г. Базанова и его книгой «Поэзия Русского Севера» выставлена увеличенная фотокопия этого документа памятных военных лет.

Окрыленный успехом начатого дела В. Г. Базанов в следующем году издает в Госиздате КФССР небольшую книгу под названием «За колючей проволокой» с характерным подзаголовком «Из дневника собирателя народной словесности», в которой описывает все виденное и слышанное им в освобожденном Петрозаводске и деревнях Заонежья, приводит записи причитаний, рожденные в неволе песни непокоренных. Летом того же 1945 г. В.Г. Базанов организовал еще одну экспедицию, на этот раз в самый, может быть, глухой район Карелии – Пудожский, где сохранялись самобытные фольклорные традиции. Оценивая результаты всех проведенных под его руководством фольклорных экспедиций, В.Г. Базанов писал: «На Печоре мы наблюдали обряд проводов на фронт, в Заонежье – оплакивание разрушенных «хоромных строений», посещение кладбищ, где были похоронены родственники, в Пудожском крае записывали плачи при получении похоронных извещений и в дни встречи демобилизованных воинов».

Записи фольклорных произведений, сделанные в военные года, представляют до сих пор большую общественно-политическую значимость, они являются подлинными документами чувств народа в годину военного лихолетия. Трудно представить поэтическую летопись Великой Отечественной войны без этих причитаний простых женщин-крестьянок... Когда собранные в экспедициях материалы в полном объеме были подготовлены для издательства Академии Наук СССР, Пушкинский дом утвердил ему эту тему в качестве докторской диссертации. Но Василий Григорьевич не был бы самим собой, если бы одновременно не занимался и другими темами. Так, продолжал он изучение роли Карелии в художественной литературе, творчества поэтов-декабристов.

Однако жизнь не переставала ставить препятствия на его пути. Видимо, заметные успехи в его творческой деятельности вызывали у некоторых из окружавших его людей чувство неприязни и в определенной степени зависти. Требовался лишь повод, чтобы, как говорится, поставить слишком молодого, да шустрого на место. А тут еще буквально масла в огонь добавило избрание В.Г. Базанова в феврале 1945 г. ответственным секретарем правления Карело-Финской организации Союза Писателей

СССР. Такой пост, разумеется, мог занимать только член партии, поэтому Василий Григорьевич подал заявление о приеме в ВКП(б), а следом в партийные инстанции пошли письма и заявления «доброжелателей», которые смаковали отдельные черты характера и на свой лад преподносили его вспыльчивость, прямоту в общении и требовательность к окружающим. Зарецкий райком ВКП(б) г. Петрозаводска, столкнувшись с неоднозначной ситуацией, решил отложить рассмотрение вопроса. Только вмешательство тогдашнего секретаря Петрозаводского Горкома партии Ю.В. Андропова помогло отменить несправедливое решение райкома. Впрочем, эта провинциальная манера отношения к людям, которые переросли уровень своей среды, своего окружения, получили известность в столичных сферах, сделали карьеру наверху, часто проявляется в нашей жизни. Трудно бывает пережить успехи человека, который совсем недавно был равным тебе, даже подчинялся тебе, а теперь вот стал недосягаем. Не избежал злословия в этой связи, например, и сам Ю.В. Андропов. Автору этих заметок довелось работать в начале 60-х годов в Петрозаводске и приходилось слышать от некоторых местных деятелей в отношении Ю.В. Андропова, уже работавшего заведомом ЦК КПСС по странам народной демократии, самые нелестные отзывы, где слово «выскачка» было, пожалуй, самым мягким.

Но настоящее испытание ждало отца впереди. Война закончилась, наступило время переоценок многих положений и взглядов, сложившихся в военные годы. Огни праздничных салютов, медь победных маршей, пышные славословия отодвигали в сторону жестокую правду о войне, о трагических испытаниях, выпавших на долю народа в военные годы. Характерным примером может служить реакция на созданное в первый мирный год знаменитое стихотворение Михаила Исаковского «Враги сожгли родную хату», попавшее под огонь яростной критики и фактически запрещенное. Одним из эпизодов развязанной против «очернительства» кампании стало запрещение цензурой в 1946 г. упоминавшейся выше книги В.Г. Базанова «За колючей проволокой». То, что вчера считалось актуальным, нужным, теперь стало отражением пессимизма, неверия в силы народа, к тому же в искренних народных плачах и причитаниях, рожденных к жизни страданиями людей, не было места здравицам «величайшему полководцу всех времен и народов». После запрещения

книги последовало уничтожение в типографии издательства АН СССР книги, находившейся уже в наборе, автоматически был наложен запрет и на тему докторской диссертации.

Отголоском этой истории стало появление на страницах «Литературной газеты» в феврале 1948 г. рецензии на вышедшую годом раньше монографию В.Г. Базанова «Народная словесность Карелии» под весьма выразительным заголовком «Плач и причитания фольклориста». Хотя в книге затрагивались только классические жанры русского фольклора Карелии, рецензент М. Ряхин, явно имея в виду и современные аспекты проблемы, писал: «Одна из серьезных ошибок В. Базанова состоит в том, что основным жанром устного народного творчества он считает причитания. Изображение русского народа пассивным, страдающим, безропотно переживающим свое горе, в корне неверное».

И вовсе погромный характер носила опубликованная в том же 1948 году в «Новом мире» статья Николая Леонтьева «Затылком к будущему». Она появилась спустя месяц после печально знаменитой августовской сессии ВАСХНИЛ, завершившей уничтожение отечественной генетики, и явно ставила своей целью в модном для этой эпохи стиле вынести убийственный приговор советское фольклористике, в чем автор заметно преуспел. Нет возможности привести все те хлесткие обвинения, которые были щедро рассыпаны в тексте статьи. Приведем хотя бы одну цитату: «...в основе их (фольклористов – Н.Б.) взглядов лежат старые отжившие представления, сложившиеся еще во времена царя Гороха». Одним из «героев» этого опуса был В.Г. Базанов, ему посвящался специальный раздел статьи, название которого – «Стряпчий от фольклора» – сразу говорило о позиции автора. Отец в этой статье назывался ученым-схоластом, апостолом эклектиком, отставшим от жизни, старательно избегающим встречи с действительностью. Особенно досталось книге В.Г. Базанова «Поэзия Печоры», и снова в центре критики находились причитания. Зловещим предостережением звучали строки статьи:

«Эти ошибки и упущения были вызваны непониманием одной простой истины: мы живем не только в ином веке (фольклористы типа В. Базанова живут все еще в XVII веке!), но и в совершенно другой общественной формации». Единственным, хотя и малым утешением, могло быть только то, что в этой статье В.Г. Базанов был подвергнут прора-

ботке вместе с другими крупными ленинградскими фольклористами М. Азадовским, А. Астаховой, хотя и здесь Н. Леонтьев объединил их «в особую корпорацию, которую трудно назвать иначе, как департамент по российским древностям».

Но интерес к народному поэтическому творчеству времен Великой Отечественной войны не пропал. Фольклористы вскрывали новые пласты поэтических сокровищ, созданных в годы войны. Отдавая дань приоритету В.Г. Базанова, они часто ссылались на его статью в «Правде», хотя сплошь и рядом речь шла о материалах, содержащихся в запрещенной книге. Только в Хрущевскую оттепель в 1962 г. удалось выпустить собранные в военные года В.Г. Базановым и А.П. Разумовой записи причитаний в книге «Русская народно-бытовая лирика». И тогда появились другие рецензии, объективно рассматривавшие сделанное авторами, наиболее характерной и точной оценкой явилось название одной из них — «Обвинительный акт против войны».

Фактически лишенный возможности работать над причитаниями, В.Г. Базанов вернулся к своей довоенной научной тематике. Снова углубился в изучение поэзии декабристов. Оригинальные исследования творчества поэта-декабриста Федора Глинки, деятельности Вольного общества Российской словесности, этого своеобразного литературного филиала тайной декабристской организации, составили основу защищенной им в 1943 г. докторской диссертации, в очень молодом для гуманитария возрасте 37 лет. Дальнейшая его жизненная и творческая судьба были связаны с Ленинградом, с работой в Институте русской литературы, Ленинградском Университете. Круг его научных интересов продолжал поражать своим многообразием, но за какую бы тему он ни брался, всегда стремился к проникновению в истоки литературного процесса, определению народных корней русской литературы, что позволяло ему делать все новые и новые открытия в истории русской литературы, неизменно демонстрируя собственное, всегда детально обоснованное, глубоко научное видение природы литературно-общественных явлений.

Крупным вкладом в изучение истории русской литературы стал цикл его работ, посвященных истории демократической книги, связанных с героическим «хождением в народ» революционных народников и их предшественников в 60-70-е годы XIX в. В.Г. Базанову удалось во мно-

гом расширить представление о так называемой «потайной литературе» эпохи массового «хождения в народ», пользуясь лексикой сегодняшнего дня, своеобразного «самиздата», послереформенной эпохи, когда революционные народники сумели создать пропагандистскую литературу, рассчитанную на широкие массы крестьян и фабричных рабочих.

Рассматривая проблему демократической книги для народа, В.Г. Базанов детально проанализировал вклад Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова в демократическое народознание. При изучении взаимосвязи фольклора и народной книги невозможно было обойти поэму Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», которая была итогом длительных размышлений поэта о судьбе русского крестьянина и пристального изучения народной жизни.

Свою поэму Н.А. Некрасов замышлял «как народную книгу», отсюда в ней такое фольклорное богатство и стиль, отвечающий сознанию русского крестьянина. По мнению В.Г. Базанова, переключка поэмы Некрасова с произведениями народнической пропагандистской литературы, общие мотивы в них объясняются не только взаимными влияниями, но прежде всего тем, что и Некрасов, и революционные народники, изображая одну и ту же действительность, придерживались одних и тех же идейно-эстетических позиций.

Изучение проблемы демократического, в более конкретном аспекте художественного народознания в России привело Василия Григорьевича к творчеству другого великого русского поэта, кровно связанного с народной жизнью, к исследованию литературно-фольклорных традиций есенинской поэзии. Само название книги В.Г. Базанова, посвященной поэзии Есенина, носило подчеркнуто декларативный характер: «Сергей Есенин и крестьянская Россия». Автор решительно выступал против высказываемых нередко утверждений, что «крестьянский уклон» в поэзии Есенина, душевная привязанность к родному очагу, к деревенской действительности умаляет великого поэта, противоречит общечеловеческим идеалам. Он писал: «...Есенин на вершину искусства поднимался, не миная околиц, полей и деревенских изб. Деревенские дороги не всегда проселочные, глухие, малоезжие. В преданности Есенина крестьянству нужно видеть не бегство от современности, не желание укрыться под избяной крышей от революционной грозы. Поэт желает быть гражданином своего

времени, он проявляет неподдельную озабоченность, вмешивается в крестьянские дела. Есенин без деревни – не Есенин. Поэт не стыдится своего происхождения и не скрывает своих убеждений. Деревня помогает ему реализовать творческие замыслы, проявлять свою индивидуальность».

Он тонко почувствовал в поэзии Сергея Есенина обостренный интерес к художественному и нравственному наследию народа, к народным и библейским мифам, к сказочным социально-этическим утопиям, к словесному и изобразительному искусству, к поэтическим воззрениям народа на природу. Поэтому главным вкладом В.Г. Базанова в есениноведение стало изучение народных истоков поэзии Есенина, путей формирования историко-культурных и эстетических взглядов поэта, орнаментально живописной поэзии Есенина. С особой страстью спорил В.Г. Базанов с бытовавшими долгое время тенденциозными суждениями и оценками творчества Есенина, присущими критическим выступлениям вульгарных социологов 20-х – начала 30-х годов, которые провозглашали его «мужиковствующим» поэтом, упрекали за преданность деревне, называли его творчество «избяными песнями».

«Есенина, – пишет В.Г. Базанов, – любила и почитала читающая Россия. Но у поэта были ревнивые недруги из литературной среды. Об этом Есенин знал и пытался ответить недоброжелателям, защитить свою честь. Своеобразным ответом Есенина на сенсационные слухи и разного рода толки была, на наш взгляд, поэма «Черный человек». Многие авторы работ о Есенине видели в «Черном человеке» покаянную исповедь, приговор над собой, рассказ о «вдребезги расколотой жизни». Конечно, поэма «Черный человек» была написана под тяжелым впечатлением душевной драмы, выпавшей на долю поэта, в минуты сильных эмоциональных переживаний. Но это, по мнению В.Г. Базанова, не исповедь грешника, не саморазоблачение, а защитительная речь, своеобразное опровержение «мерзкой книги», состоящей из оскорбительных подозрений и прямых наветов, в поэме явно общается бунт против притворных друзей-недрузей, мешающих поэту жить и работать.

Отец считал, что сама постановка вопроса о Черном человеке в историко-литературном аспекте и этическом плане имеет право на существование. Он не ставил своей целью найти конкретный прототип Черного человека, ибо этот образ, безусловно, собирательный, но подробно оста-

новился на поведении многочисленных недоброжелателей Есенина, которые пользуясь отдельными спорными в художественном отношении стихотворениями, пытались бросить тень на поэта, распространяли еще при жизни зловещую молву о падении его таланта, о духовной его смерти. В наибольшей мере это относится к Алексею Крученых, писавшему, что Есенину «суждено было либо быть повешенным, либо повеситься». Злыми, неприличными книжками встретил Крученых, похвалившийся своей дружбой с Есениным, смерть поэта. Если собрать воедино, что говорит Черный человек, то получится, как считает В.Г. Базанов, обвинительное заключение, схожее с теми наветами, которые рассыпаны в творениях Крученых. В.Г. Базанов писал: «Мы не утверждаем, что знакомый незнакомец в поэме «Черный человек» непременно Крученых. Речь идет не о прототипе, а о сложной семантике сюжета и образов поэмы. Хотя именно Крученых пытался в «Черном человеке» увидеть бред больного воображения, отвести всякие подозрения от себя и ему подобных».

В самой постановке вопроса о прототипе Черного человека был скрыт еще один очень важный аспект: одним из лиц, которым мог быть навеян этот страшный образ Есенину, назывался автор «Злых заметок» – Николай Иванович Бухарин. Но отец работал над есенинской темой в года, которые теперь принято называть застойным временем, поэтому даже рассматривать тему сложных отношений поэта с остающимся в небытие крупнейшим политическим деятелем первых лет революции было совершенно исключено. Однако указанное В.Г. Базановым направление поисков Черного человека в среде воинствующих левацких критиков в определенной мере снимало подобные обвинения с личности Н.И. Бухарина.

Творчество Сергея Есенина рассматривалось на фоне непростых его взаимоотношений с современниками – выдающимися русскими поэтами Александром Блоком и Николаем Клюевым. Он настойчиво развивал мысль, что именно Александр Блок с его болью за судьбу Родины, тоской по лучшей доле народа стал учителем и нравственным наставником мятущегося Есенина. Елок и Есенин вместе мучительно размышляли о дальнейших путях России, вместе искали дорогу к подлинно гражданской поэзии. В поисках положительного идеала и Блок, и Есенин, подчеркивал В.Г. Базанов, обращались к народным мифам и библейским легендам, учитывая предшествующий опыт крестьянско-

го вольномыслия, гражданской поэзии и социалистических учений. Он считал, что как Блок, так и Есенин, были близки к идеям христианского социализма, но вместе с тем он показал, как эти два гения русской поэзии поднялись в своем творчестве над условной религиозно-мифологической символикой, сковывавшей художественное мышление, затруднявшей реалистическое изображение жизни народа в эпоху бурных потрясений XX века.

Говоря о литературном окружении Есенина, о его поэтическом становлении, невозможно было не остановиться на такой яркой и незаурядной личности, как Николай Клюев. Начав с обстоятельного разбора драматической истории дружбы-ненависти этих певцов русской деревни, пути которых то расходились по разным дорогам, то часто пересекались, сходились у родника народной поэзии, В.Г. Базанов взялся за выполнение, как он писал, задачи немалой трудности – дать полное и научное представление о таком сложном и противоречивом явлении, как поэзия Клюева. И трудности эти не только в самом образе Николая Клюева, который для многих его современников оставался загадкой, когда одни видели в нем истинного поэта из народа, большой самобытный талант, представителя крестьянской России, другие – ряженого апостола, певца уходящей старины, далекого от подлинной народности. Трагическая судьба Клюева, попавшего под дьявольские жернова сталинской диктатуры, прежде позволяла упоминать о нем только в контексте его отношений с Есениным, и воспринимался он есенинской строкой: «Клюев, ладожский дьячок».

А если вспомнить, что и творчество самого Есенина фактически тоже находилось долгие годы под запретом, то имя Клюева выпало из истории русской поэзии. Понадобилось большое гражданское мужество В.Г. Базанова, его подлинно научное предвиденье, чтобы в самую глухую пору эпохи застоя проделать буквально титаническую работу по публикации стихов Клюева, по изучению его творчества с позиций объективной исторической ретроспективы. Честь возвращения в отечественную литературу самобытного художника, принадлежащая В.Г. Базанову, безоговорочно признается современными исследователями поэзии Николая Клюева (К.М. Азадовский, А.И. Михайлов) Федор Абрамов со свойственной ему афористичностью писал: «Клюев... – реабилитирован. Базанов взялся за него и реабилитировал».

Энергичная, подвижническая деятельность В.Г. Базанова по восстановлению исторической справедливости к литературному наследию Николая Клюева не всем пришлась по душе. Отец вспоминал, как на одном из писательских съездов в начале 70-х годов к нему подсел один из патриархов советской поэзии, долго и страстно убеждал его «не заниматься реанимацией этой, никому не нужной рухляди», не рисковать в таком сомнительном деле своей репутацией ученого и так далее, и тому подобное. Но В.Г. Базанов не собирался отказываться от своих замыслов, в которых видел исполнение нравственного долга перед светлой памятью замечательного певца русской северной деревни. Одна за другой выходили в свет его работы, посвященные различным сторонам поэтического творчества Клюева, его истокам, прежде всего связанным с влиянием уникального явления русского средневековья – движением старообрядчества, недаром поэт считал мятежного протопопы раскольников своим духовным предшественником – «Гремел мой прадед Аввакум».

Большой интерес вызвало исследование, в котором речь шла о поэме «Погорельщина», занимающей особое место в поэтическом наследии Николая Клюева. Рукопись поэмы Клюев в 1929 г. подарил при встрече в Ленинграде известному итальянскому ученому – слависту Этторе Ло Гатто, с которым поэта познакомил известный писатель, автор исторических романов «Степан Разин» и «Гулящие люди» А.П. Чапыгин. По этой рукописи поэма была опубликована в 1954 г. в Нью-Йорке в двухтомном собрании сочинений Н. Клюева. Практически статья В.Г. Базанова «Поэма о древнем Выге», напечатанная в журнале «Русская литература» в 1979 г., впервые познакомила широкий круг читателей в нашей стране с самим фактом существования этого уникального произведения. Целиком же поэма в нашей стране вышла в свет только в 1987 г.

Но когда В.Г. Базанов подготовил книгу о творчестве Клюева, название которой подсказала программная статья поэта «С родного берега», посланная им Александру Блоку, то долгое время она не печаталась, вплоть до прошлого года. Вот как пишет о всех перипетиях издания в предисловии ее редактор А.И. Павловский: «Не один раз книга уже, казалось, приближалась к печатному станку, но новые препоны, перестраховки издателей, перепроверки, «контрольные» и иные рецензии, дополнительные изматывающие требования, досадные и оскорбительные изъятия все отодвигали

и отодвигали в сторону новаторский научный труд, так и оставшийся неопубликованным при жизни автора. Теперь эта книга, разделившая в свое время горестную судьбу многих других незаурядных произведений художественной и научной литературы, наконец-то выходит к читателю».

Нужно сказать, что это вовсе не единственный случай, когда В.Г. Базанову при всем его научном авторитете, высоком служебном положении приходилось тратить много сил и времени, чтобы преодолевать противодействие перестраховщиков, ответственных лиц, которых Евгений Евтушенко метко окрестил «кабычого-невышлистами». Памятен в этом отношении эпизод с книгой «Есенин и русская поэзия», ответственным редактором которой был В.Г. Базанов. Вскоре после ее выхода в свет органы цензуры подняли панику, добились временного запрещения книги, испугавшись появления на ее страницах среди забытых частушек, принадлежащих перу Есенина, строчки о Владимире Маяковском:

Ах сыпь, ах жарь
Маяковский бездарь.
Рожа краской питана,
Обокрал Уитмана.

Явно полемический выпад Сергея Есенина, несомненно, не отражал истинного места В. Маяковского в советской поэзии. Эта частушка, найденная учеником В.Г. Базанова В.В. Коржаном среди многих других на страницах одного из многочисленных юмористических журналов первых лет Революции, является своеобразным документом своего времени и по мнению ответственного редактора книги, в которой она была напечатана, не могла служить причиной ее запрещения, что ему в конечном итоге и удалось доказать.

Твердость взглядов, непреклонность своих убеждений отец проявлял не только при решении издательских дел. Так, в конце 60-х годов по Центральному телевидению в прямом эфире шла передача из Ленинграда «Литературный вторник», в которой обсуждались исторические пути развития русской культуры. В ходе ее академик Д.С. Лихачев остановился на вкладе представителей других национальных культур, лиц нерусской национальности в сокровищницу отечественной культуры, в част-

ности, был затронут вопрос о роли еврейской интеллигенции на примере деятельности таких ярких фигур русской культуры, как Исаак Левитан, Семен Надсон. Не успела закончиться передача, как тогдашнему первому секретарю Ленинградского обкома В.С. Толстикову позвонил главный идеолог партии М.А. Сулов, в раздраженном тоне интересовавшийся, смотрит ли сам Василий Сергеевич передачи Ленинградского телевидения и как он к ним относится.

На следующий день обком стал принимать меры, «на ковер» был вызван директор Института русской литературы, в котором в течение нескольких десятилетий работает Д.С. Лихачев. В.Г. Базанову было предложено подготовить силами сотрудников института ответ на выступление Д.С. Лихачева, в котором предполагалось осудить его позицию по вопросу взаимовлияния различных национальных культур. В создавшейся ситуации директор выбрал единственно правильный путь. Во-первых, он в принципе отверг необходимость проработки Д.С. Лихачева, во-вторых, отказался дать свою оценку телевизионных дебатов, сославшись на то, что накануне вечером, т. е. в часы передачи, находился за городом и не видел передачи, а стенограмма выступлений ее участников не может дать полного представления о том, что они говорили. Оказались тщетными попытки найти в Пушкинском Доме человека, готового выполнить волю обкома. В первую очередь здесь сказался тот непререкаемый научный и нравственный авторитет, которым обладает столь выдающийся ученый, как академик Д.С. Лихачев, но также оказала свое воздействие и позиция директора: все сотрудники института, как по команде, ссылались на то, что передачу не видели, свое мнение высказать не могут.

Свою независимую позицию В.Г. Базанов демонстрировал неоднократно. Он был чужд внешним атрибутам «истаблшмента», иронически относился к тому «звездопаду», который щедрым дождем пролился в годы застоя. Что красноречиво проявил в год собственного 60-летия — он решительно воспрепятствовал проведению каких-либо мероприятий по месту работы. По существующей традиции каждый академик и член-корреспондент Академии Наук СССР награждался в связи с такой датой правительственными наградами. Но поскольку никакого представления в Президиум Верховного Совета СССР из Академии Наук СССР не поступило, вопрос о награждении и не возникал. Только через

два месяца после юбилея В.Г. Базанова в «Литературной газете» появилось приветствие Правления Союза Писателей СССР. И вот тогда сотрудники аппарата Президиума Академии Наук СССР, Ленинградского обкома КПСС схватились в буквальном смысле за голову. Произошел явный конфуз, налицо была дискриминация, по их мнению, известного ученого. В пожарном порядке приступили к составлению необходимых документов, но шел уже декабрь, а пока оформлялась нужная документация, наступил следующий 1972 год. Принимать указ о награждении по случаю юбилея человека, родившегося в предыдущем году, было признано нецелесообразным, и решено позднее при удобном случае сгладить этот инцидент.

Такая возможность представилась в 1975 г., когда Академия Наук СССР отмечала свой 250-летний юбилей. По сему поводу члены Академии были удостоены высоких правительственных наград, среди них был и В.Г. Базанов, награжденный орденом Трудового Красного Знамени. Вручение наград проводилось государственными деятелями страны самого высокого ранга. Отца включили в группу ученых, приглашенных на церемонию награждения к Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорному. Но день вручения наград совпал с проведением юбилейных Есенинских дней, и он предпочел пышной церемонии в Кремле поездку на Рязанщину, общение с любителями и знатоками поэзии Есенина, его земляками.

Отец был человеком своего времени, ему были свойственны сомнения и ошибки, обусловленные духом эпохи. В силу своего совсем не простого характера мог быть не всегда правым, но всегда искренне переживал свои промахи, стремился к восстановлению истины. Об этой черте его личности Ф.А. Абрамов сказал: «В. Базанов, человек, который не был лишен практического расчета, со смелостью бросался на амбразуру, подставляя себя». Многим людям помог он в становлении их творческой судьбы, своим авторитетом поддержал и дал дорогу в жизнь многим ценным начинаниям в сфере гуманитарных отраслей знания. Памятна его позиция в восстановлении справедливости по отношению к группе ленинградских ученых, выброшенных из научной жизни в конце 40-х годов, в печально известный период борьбы с космополитизмом. В Ленинграде одним из основных объектов, где по указанию свыше проводи-

лась эта компания, стал Пушкинский Дом. Целая плеяда ярких ученых, внесших огромный вклад в развитие филологии, составлявших гордость советского литературоведения, и в их числе В.М. Жирмунский, Б.М. Эйхенбаум, М.К. Азадовский, были в расцвете творческой жизни отстранены от работы, им полностью закрыли доступ в издательства и редакции журналов. Но как только представилась возможность, В.Г. Базанов был одним из первых, кто самым энергичным образом помог возвращению в Пушкинский Дом многих из попавших в опалу в годы гонений на «безродных космополитов», содействовал публикации их книг, широко открыл им страницы журнала «Русская литература».

Как свидетельствует сама жизнь, любому руководителю, особенно находившемуся длительное время на административных постах, трудно, порой просто невозможно, быть хорошим для всех, практически исключено, чтобы все решения руководителя устраивали весь без исключения коллектив, к тому же далеко не всегда решения определяются только позицией самого руководителя. Не избежал такой участи и В.Г. Базанов, что порой приводило к не совсем правильным оценкам его личности и деятельности.

В середине 50-х годов во время очередной шумной компании по подъему сельского хозяйства в стране был намечен целый комплекс мероприятий, которые должны были обеспечить в короткий срок выполнение этой задачи, как показало время, неосуществимой в условиях существующей общественной системы. В том числе предусматривалось направление на работу из городов в сельскую местность всех лиц, имевших агрономическое, зоотехническое, ветеринарное и т. д. образование, дабы заставить их вернуться к труду в соответствии с профилем их профессии, причем выполнение этой директивы бдительно контролировалось. Поступило, естественно, такое распоряжение и в Институт русской литературы, и В.Г. Базанову, исполнявшему в том момент обязанности директора, пришлось подписать приказ об увольнении нескольких научно-технических сотрудников института, по своим анкетным данным подпадавшим под действие указанной директивы. Среди уволенных были люди разных специальностей и разных национальностей, но вскоре поплз гнусный слухок об антисемитизме В.Г. Базанова на том основании, что среди нескольких уволенных были евреи.

В этой связи приходит на память еще один эпизод из жизни Василия Григорьевича. Один из его дачных соседей, известный ученый-медик, обратился с заявлением в местное отделение милиции, в котором обвинял моего отца в постоянных нападках на его семью. Суть же дела заключалась в том, что у этого соседа была большая овчарка, с которой он и его родственники любили прогуливаться, причем всегда без намордника и не на привязи. Все прохожие, к которым устремлялся огромный черный пес, в страхе шарахались в сторону, особенно беспокоясь о детях. На все замечания и упреки ученый с усмешкой отвечал: «Моя собака не кусается». Жалоба на отца в милицию была связана с рядом конфликтных случаев, когда он был вынужден вмешиваться, видя как огромный черный пес носится по улицам поселка, пугая взрослых и детей. В.Г. Базанов написал ответ в милицию, в котором он объяснил объективные обстоятельства возникшей ситуации. И можно было бы поставить точку на этом деле, посчитав эту историю вариантом того, как поссорились современные Иван Иванович с Иваном Никифоровичем с академическими билетами в карманах. Но в заявлении на В.Г. Базанова авторы, явно исходя из национальности его жены, в придачу ко всем «грехам» объявили его руководителем сионистской организации.

Прошло уже десять лет, как ушел из жизни мой отец. Продолжают выходить его книги, помнят о нем многочисленные ученики, живет так любимая им бессмертная русская литература. Хотя можно отметить и не совсем красивые факты. Может быть, автор и не прав, но семью Василия Григорьевича очень задело, что в «Литературной газете» не нашлось места для некролога для члена Союза Писателей СССР с более чем 40-летним стажем, помешал XXVI съезд партии – нельзя было некрологом омрачать привычный бравурный настрой. Равно как трудно смириться, поднимаясь по лестнице Дома писателей им. В. Маяковского, не видеть среди многочисленных фотопортретов ленинградских литераторов изображение В.Г. Базанова.

На кладбище в Комарово над его могилой колышет листьями белоствольная береза, дерево, воспетое его любимым поэтом Есениным. Место на кладбище специально не выбиралось, так распорядилась судьба.

Литература:

1. Абрамов Ф. Слово в ядерный век : Статьи. Очерки. Выступления. Интервью. Лит. портреты. Воспоминания. Заметки. М. : Современник, 1987. 447 с., [1] л. портр. (Библиотека «О времени и о себе»)
2. Базанов В.Г. Поэзия Печоры. Сыктывкар : Госиздат Коми АССР, 1943. 76 с.
3. Базанов В.Г. За колючей проволокой : Из дневника собирателя нар. словесности. Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1945. 71 с.
4. Базанов В.Г. Карелия в русской литературе и фольклористике XIX века : Очерки. Петрозаводск : Госиздат КФСР, 1955. 311 с.
5. Базанов В.Г. Поэма о древнем Выге // Русская литература. 1979. № 1. С. 77–96.
6. Базанов В.Г. С родного берега : О поэзии Н. Клюева / отв. ред. А.И. Павловский; АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. 241, [2] с.
7. Базанов В. Г. От фольклора к народной книге. Л. : Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1973. 356 с.
8. Базанов В.Г. Сергей Есенин и крестьянская Россия. Л. : Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1982. 303 с.
9. Емельянов Л. Вспоминая Базанова // Сергей Есенин и крестьянская Россия. Л., 1982. С. 297–302.
10. Есенин и русская поэзия / отв. ред. В.Г. Базанов ; Акад. наук СССР. Ин-т рус. лит. Л. : Наука, 1967. 395 с.
11. Леонтьев Н. Затылком к будущему // Новый мир. 1948. № 9. С. 250–252.
12. Базанов В.Г. Русская народно-бытовая лирика : Причитания Севера в записях В.Г. Базанова и А.П. Разумовой. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1962. 598 с.
13. Руханен У. Опущенная глава [Воспоминания] / пер. с фин. Э. Топпинен // Север. 1988. № 9. С. 65–77.

*Впервые опубликовано в сокращенном виде:
Север. 1993. № 12. С. 147–157.*

В. Г. Базанов

Н. В. Базанов

*В. Г. Базанов и поэт Иван Григорьевич Кутасов (1910–1941).
Петрозаводск, 1940 г.*

Николай Васильевич Базанов (1934–2003),

кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник,
Институт социально-экономических проблем Российской академии наук

Трудно быть фольклористом

подготовка к печати канд. экон. наук, доцента

Санкт-Петербургского государственного университета А. Н. Базанова

В условиях тоталитарного режима прославление его побед и достижений становится приоритетным направлением культурной жизни общества. Своеобразный социальный заказ создать произведения, воспевающие счастливую советскую действительность, ставился перед всеми без исключения сферами искусства и литературы, в том числе и от народного творчества ожидалось создание нового, социалистического эпоса. Обеспечить появление произведений различных жанров народного творчества, отвечающих поставленным государственной системой требованиям, стало в советское время задачей как всей фольклористики в целом, так и отдельных ученых – собирателей фольклора, на что совершенно справедливо указывает Т. Иванова в статье «Песни о вождях. Псевдофольклор довоенных лет»¹.

В упомянутое автором время, и не только до войны, действительно, существовала практика литературного сотрудничества собирателей и сказителей. Фольклористы порой подталкивали сказителей к сочинению былин, песен, сказок, в которых говорилось о счастливой жизни в советской стране, прославлялись великий Сталин и его окружение, подчас даже фабрикуя их за сказителей. В статье Т. Ивановой приводятся убедительные примеры такой практики.

Но вряд имеет смысл называть имевшие место попытки ряда фольклористов развернуть активную деятельность по созданию произведений советского эпоса кампанией фальсификации фольклорного процесса в целом. Не всегда уместно и благородно судить о прошлом, руководствуясь исключительно сегодняшними представлениями, ибо каждое время живет по своим законам, присущим только ему одному. Разве только одна фоль-

¹ *Иванова Т.* Песни о вождях. Псевдофольклор довоенных лет // Родина. 2000. № 6. С. 45–47.

клористика была вынуждена приспособливаться к суровым условиям сталинского режима, стремясь отстоять саму возможность собственного существования. Точно такая же проблема стояла, к сожалению, в то страшное время буквально перед всеми отраслями советской науки и культуры.

К делу воспевания советской действительности, созданию культа личности Сталина были привлечены лучшие творческие силы страны. Печатались повести А. Толстого «Хлеб» и П. Павленко «Счастье», на сценах театров шли пьесы Н. Погодина и В. Вишневского, в кинотеатрах демонстрировались фильмы М. Ромма и М. Чиаурели, выставлялись эпические полотна И. Бродского и А. Герасимова, звучали песни на слова В. Лебедева-Кумача и А. Суркова. Здесь названы, может быть, наиболее характерные примеры, которые были у всех на слуху, того, как талантливейшие деятели советского искусства и литературы включались в кампанию по прославлению сталинской эпохи. Список этот может быть без труда продолжен, наверно, у всех без исключения представителей творческой интеллигенции того времени можно отыскать произведения в той или иной мере льющие воду на ту же самую мельницу.

В такой идеологической атмосфере не выглядело чем-то необъяснимым и чрезвычайным появление в народном творчестве новых веяний, обусловленных стремлением отвечать существовавшим в стране идеологическим установкам. Фольклористы в своих усилиях по созданию так называемых «новин» (нового эпического жанра, когда сказители, пользуясь поэтическими средствами традиционного народного творчества, воспевали социалистическую действительность) вливались в общее русло официальной идеологии, и это была не их вина, но большая беда, как у всех кому пришлось жить и творить в условиях сталинской диктатуры.

Требует определенной корректировки, на наш взгляд, выдвинутый Т. Ивановой тезис, что под руководством (подчеркнуто нами – Н.Б.) фольклористов в селах были созданы десятки эпических произведений, воспевающих советскую действительность². В таком контексте сами сказители выступают в роли послушных исполнителей воли свыше, пассивным орудием в руках «скатившихся с подлинно научных позиций собирателей». Вряд ли фольклористам в этом плане приходилось преодолевать сопротивление самих сказителей, бороться с их нежеланием участвовать в процессе

2 Там же. С. 45.

создания произведений советского эпоса. Несомненно, что в большинстве своем сказители тоже были достаточно чутки к требованиям времени и проявляли достаточную активность и самостоятельность, сочиняя былины, песни, сказки, отвечающие потребностям своего времени.

В качестве примера «новины», ориентированной на поэтику героических былин, Т. Иванова приводит «Былину о Сталине», сочиненную Петром Рябининым-Андреевым, последним представителем заонежского рода сказителей Рябининых³. Эта былина была опубликована в изданной в 1939 году в Петрозаводске книге «Былины П. И. Рябинина-Андреева», включающей все его былины, в том числе, как указывает в примечаниях к своей статье Т. Иванова, подлинные былины этого сказителя⁴. И здесь возникает вопрос, что же она подразумевает под подлинными, вероятно, сочиненные на традиционные сюжеты об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Микуле Селяниновиче. Тогда кому же принадлежит авторство представленных в этом издании советских былин, они, по всей видимости, должны быть отнесены к числу «неподлинных». С одной стороны, говорится, что «Былину о Сталине» сочинил сам П.И. Рябинин-Андреев, а с другой, ему принадлежат только «подлинные» былины, а к другим же представленным выходит он не имеет отношения. Посмотрим, что по этому поводу говорил сам сказитель: «От деда и отца я унаследовал много былин. Они распевали былины о прошлом, о русских богатырях. Я тоже учился петь былины, запоминал их. За годы советской власти я научился сам складывать былины. Я сложил былины о наших лучших людях, о любимом вожде товарище Сталине, о нашей вольной советской жизни, о нашем трудовом народе. Правительство наградило меня орденом «Знак Почета». Я несказанно рад и сложу много новых произведений о замечательной жизни в нашем советском государстве»⁵.

Можно, конечно, согласно предложенной схеме взаимоотношений собирателей фольклора и сказителей просто не принимать во внимание слова П.И. Рябинина-Андреева. Но кто же тогда был автором «неподлинных» былин, представленных в его книге? Следуя логике всех рассуждений Т. Ивановой, в этой роли должен выступать, видимо, тот человек, ко-

3 Там же. С. 45.

4 Там же. С. 47.

5 Былины П.И. Рябинина-Андреева. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. С. 32.

торому принадлежит подготовка текстов к печати, статья и примечания в этой книге – В. Базанов. Хотя его имя и не указано в статье Т. Ивановой, но в полном соответствии с указанными ею формами сотрудничества собирателей и сказителей такой вывод напрашивается однозначно. Однако сразу возникают сомнения, какие же конкретные данные дают возможность подводить читателей к столь обязывающим предположениям, для них необходимы достаточно веские в юридической и морально-этической плоскости факты.

В данном случае сама судьба и научное творчество Василия Григорьевича Базанова, в довоенное время молодого литературоведа и фольклориста (затем член-корреспондента Академии наук СССР, директора Института русской литературы (Пушкинский Дом), могут служить наглядным примером как трудно и неоднозначно жила русская фольклористика в годы Советской власти, что не только и не столько занимались фольклористы фальсификацией произведений народного творчества, сочинением песней о вождях. Фольклористам того времени, даже в условиях сталинского режима, порой с риском для собственной судьбы удавалось записывать и публиковать произведения иного рода, отражающие истинные настроения народных масс в эпоху тяжелейших социальных потрясений. Что же касается появления «новин», то они были исторически закономерным явлением своего времени. Кроме того, необходимо учитывать, что нередко их появление на страницах фольклорных сборников могло служить своеобразным пропуском, гарантирующим публикацию произведений традиционных жанров народного творчества.

Затрагивая судьбу своего отца, В.Г. Базанова, понимаю, естественно, субъективность своего восприятия и поэтому ни в коей мере не могу претендовать на исчерпывающую оценку его жизненного и научного пути. Об его образе, может быть, лучше скажут записи, сделанные Федором Абрамовым в день похорон друга: «Василий Григорьевич Базанов был личностью. И личностью крупной, самобытной, накладывающей свой отпечаток на весь окружающий мир, на всех, кто общался с ним, на события... Как ученый опять же он был неординарен, самобытен и оригинален. Для меня он один из последних той вымирающей ныне породы, которую в старину называли народниками, почвенниками. В.Г. был истинным на-

родником во всем. Не только в исследованиях: фольклор, народные книги и т.д. Но он был родником в поведении. В образе жизни»⁶.

Еще в предвоенные годы у В.Г. Базанова, тогда доцента Петрозаводского пединститута, проявился глубокий интерес к фольклору, конкретно к русскому поэтическому народному творчеству, которое он рассматривал как неопценимый материал народознания, как огромное поэтическое национальное богатство, внесшее существенный вклад в развитие мировой культуры. «Трудно понять русскую поэзию прошлого и настоящего, — писал он, — без проникновения в идейную и эстетическую сущность фольклора».

Тогда и начались его фольклорные экспедиции, дружба с талантливыми сказителями Русского Севера. Среди самых ранних детских впечатлений — поездка с родителями летом 1939 г. в Заонежье, в деревню Гарницы на родину знаменитых певцов русского былинного эпоса Рябининых. Когда тревожным июлем 41-го года отец отправлял свою семью из Петрозаводска в эвакуацию, никто не знал, что ждет нас впереди, удастся ли вновь свидеться всем вместе. Отцу хотелось оставить на память что-то такое, что могло всегда напоминать о нем, когда я стану взрослым, мог представить, чем занимался отец, каковы были его научные интересы. В качестве такого предмета он выбрал, сопроводив трогательным посвящением, книгу П.И. Рябинина-Андреева, гостями которого мы были в Заонежье.

В.Г. Базанов, вступивший в ряды народного ополчения, был отозван, чтобы принять участие в эвакуации Карело-Финского госуниверситета в столицу Коми АССР — Сыктывкар, где университет был объединен с Коми пединститутом, а отец стал деканом историко-филологического факультета. Летом 1942 г. он организовал фольклорную экспедицию на берега северной реки — Печоры, истинный заповедник народного творчества, целью которой было познакомить молодых филологов непосредственно с миром народного творчества и личностью сказителя, пополнить новыми записями сокровищницу русского фольклора.

Сразу может возникнуть вполне закономерное недоумение: «Были ли смысл в грозное лето, когда страна напрягала все силы на борьбу с врагом, заниматься собиранием произведений народного творчества?». Можно без сомнения понять эту позицию. Вместе с тем следует учитывать, что это оказалось первым опытом изучения фольклора военно-

⁶ *Абрамов Ф.* Слово в ядерный век. М.: Современник, 1987. С. 430–431.

го времени. Изданная по материалам экспедиции книга В.Г. Базанова «Поэзия Печоры»⁷ сохранила подлинные свидетельства бытовавших в военную пору настроений народа, значительно отличавшихся от казенного оптимизма официальных летописцев. В книге были опубликованы замечательные патриотические плачи-сказы, в которых сказительницы Печоры на специфическом языке народной поэзии рассказывали о своей любви к Родине, ненависти к фашистским захватчикам, оплакивали своих близких, павших в борьбе с оккупантами, делились своими горестями в тяжелую военную годину.

Через два года печорская экспедиция отозвалась самым неожиданным образом. Весной 1944 г. на имя В.Г. Базанова пришел срочный вызов за подписью председателя Комитета по делам искусств Совнаркома СССР Б.М. Храпченко: ему предлагалось возглавить фольклорную экспедицию в Туруханский край. В том году И.В. Сталину исполнялось 65 лет, и его сподвижники угоднически решили широко отметить юбилей. Положение складывалось довольно опасное. Отец, конечно, понимал, что пребывание Сталина в ссылке вряд ли оставило среди жителей Туруханского края столь уж неизгладимый след, чтобы он вдохновил местных сказителей на создание подлинных шедевров народного творчества. Подталкивать их к созданию требуемых в данном случаеopusов или даже сочинять за них, во-первых, просто уже не было времени, во-вторых, у отца и опыта такого не было. Проблема разрешилась как нельзя удачным образом. Сам Сталин посчитал неуместным отмечать во время войны юбилей, соответственно отпала и необходимость в экспедиции. Возвращаться в Сыктывкар В.Г. Базанову не пришлось. Карельский фронт готовился к наступательной операции по освобождению оккупированной части республики. В.Г. Базанов был привлечен в качестве эксперта к работе Республиканской Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Поэтому сразу же за наступавшими войсками, освободившими 28 июня 1944 г. Петрозаводск, буквально на первой гражданской машине комиссия прибыла в разрушенный, разграбленный оккупантами город. В.Г. Базанову предстояло участвовать в оценке ущерба, нанесенного культурным ценностям Карелии.

⁷ Базанов В. Поэзия Печоры. Сыктывкар: Коми Госиздат, 1943. 75 с.

В настоящее время главнокомандующего финской армией в годы Второй мировой войны маршала Густава Маннергейма порой называют чуть ли не спасителем Ленинграда. Именно он «остановил» летом 1941 г. финские войска на рубеже границы, существовавшей до «зимней» войны 1939–1940 гг. Не дав перейти его, Маннергейм тем самым дал возможность командующему Ленинградским фронтом Г.К. Жукову в самый критический момент сентябрьского штурма немцами Ленинграда перебросить части Красной Армии с Карельского перешейка на ликвидацию попытки группы армии «Север» нанести решающий удар по защитникам города. Трудно со всей определенностью сказать, что стояло за решением финского руководства: политическая дальновидность или просто нежелание маршала Маннергейма способствовать уничтожению города, с которым у него были связаны многие годы жизни.

Но в Карелии финские оккупанты собирались обосноваться надолго. Они переименовали ее столицу, которая была основана Петром I и названа в его честь, дав городу название «Энислинна» (Онежский замок). Но, почувствовав перелом в ходе военных действий на восточном фронте и понимая тем самым неизбежность своего ухода с захваченных территорий, они приступили к планомерному вывозу в Финляндию промышленного оборудования, сельскохозяйственной продукции, культурных ценностей, одновременно уничтожая то, что нельзя было вывести, в том числе здания университета, городской библиотеки, дома крупнейшего русского поэта Г.Р. Державина, бывшего в XVIII веке олонекским губернатором.

С позиций сегодняшнего дня, наших нынешних представлений, не все, вероятно, было бесспорным в материалах Чрезвычайной комиссии. Например, некоторые здания Петрозаводска были взорваны еще в 1941 г. при отступлении Красной Армии. Поэтому финская сторона все послевоенные годы неоднозначно относилась к выводам комиссии. Через 10 лет, уже в хрущевские времена, когда стал вопрос о необходимости широкого международного научного сотрудничества, в том числе и направления советских ученых в зарубежные научные центры, по линии Академии наук СССР В.Г. Базанову, занимавшемуся историей изучения финского национального эпоса «Калевала», было предложено поехать в Финляндию для работы в архивах Хельсинкского университета. Финские власти ответили отказом, сочтя его кандидатуру нежелательной из-за участия в деятельности Чрезвычайной комиссии.

Одной из самых первых неотложных забот, с которой пришлось столкнуться органам советской власти в освобожденном Петрозаводске, была судьба людей, находившихся за колючей проволокой в лагерях, которые были созданы финскими оккупационными властями в окрестностях города. В них содержалось много жителей Заонежского полуострова, подзреваемых в связях с партизанами. Запертые в бараках, влчившие полуголодное существование, люди оставались верными своей Родине, ждали с нетерпением освобождения из неволи, делали все, что было в их силах, чтобы приблизить день своей свободы. Одной из форм протеста против гнета захватчиков стало создание устной лагерной литературы.

Встретившись с узниками лагерей, куда он попал по делам Чрезвычайной комиссии, В.Г. Базанов сразу же понял уникальность этого явления и упросил поначалу смущающихся и энергично упирающихся женщин спеть созданные в неволе причитания и песни, тщательно записывая все услышанное. Если пожилые женщины изливали свои чувства в форме традиционных для фольклора плачей и причитаний, то молодому поколению была ближе песенная культура. Песни и частушки, сочиненные в условиях лагерной неволи, в основном представляли переработку мотивов и образов русских народных и популярных советских песен, на их мелодии создавались новые тексты, пронизанные ненавистью к врагу, призывавшие к отмщению, полные веры в победу. Так возникла записанная отцом популярная в концентрационных лагерях песня «Раскинулся лагерь широко» (на мотив «Раскинулось море широко»):

Раскинулся лагерь широко,
Кругом все бараки стоят.
А в доме одном невысоком
Засел белофинский отряд.

Не слышно по лагерю песен,
Лишь слышаться крики детей,
По комнатам слышны рыдания
Безвинных советских людей.

.....

И если мы здесь не погибнем
И сможем войну пережить,
В родные края мы вернемся,
То будет о чем вспоминать.

Родным и друзьям мы расскажем,
Есть много о чем рассказать,
А сами мы будем трудиться
И новую жизнь создавать.⁸

Осенью того же года, когда бывшие узники лагерей возвращались в свои опустевшие, разграбленные, а нередко и полностью сожженные деревни Заонежья, В.Г. Базанов организовал фольклорную экспедицию туда, на родину знаменитых певцов и сказителей, хранителей сокровищ русской народной поэзии. Им был собран уникальный материал, включающий записи плачей, созданных в трагические минуты получения похоронок с фронта, угона детей в неволю, после перенесенных пыток за отказ выйти на подневольную работу, при возвращении на пепелище родного дома.

Особенно потрясло отца услышанное им в деревне Лисицино, где три мальчика погибли в один и тот же день на минах, оставленных бежавшими захватчиками. От матери одного из них Анны Федоровны Стафейковой был записан плач о погибшем сыне, кончавшийся проклятием фашистским извергам, которые принесли матерям Заонежья горе и смерть:

Будьте прокляты, злодеи супостатные,
Трижды прокляты фашисты окаянные,
Погубили вы сердечно мое дитяtko,
Не могу забыть ни днем, ни ночью.⁹

По материалам записей, сделанных в экспедиции по деревням Заонежья, В.Г. Базановым была подготовлена статья «Сказы Заонежья», опу-

⁸ Базанов В. За колючей проволокой (Из дневника собирателя народной словесности). Петрозаводск: Госиздат К.-Ф. ССР, 1945. С. 63.

⁹ Там же. С. 14

бликованная в декабре 1944 г. в «Правде»¹⁰. Вскоре из редакции газеты автору статьи был переслан целый почтовый мешок с письмами читателей, в основном фронтовиков, в которых люди делились своим горем, благодарили за честную статью. Окрыленный успехом начатого дела, В.Г. Базанов в следующем году издает небольшую книгу под названием «За колючей проволокой» с характерным подзаголовком «Из дневника собирателя народной словесности», в которой описывает все виденное и слышанное в освобожденном Петрозаводске и деревнях Заонежья, приводит записи причитаний, рожденные в неволи песни непокоренных.

Летом того же 1945 года отец ездил еще в две экспедиции – снова в Заонежье и в самый, может быть, глухой район Карелии – Пудожский, где сохранились самобытные фольклорные традиции. В поездку по Заонежью он взял меня. Здесь мне удалось стать свидетелем того, как рождались удивительные произведения народного эпоса. Пожилые женщины, подперев натруженными руками головы, вспоминая о пережитом, сразу же начинали причитать, в своеобразной манере протяжного пения рассказывать о своей нелегкой судьбе. Иной раз, делясь своими воспоминаниями о выпавших на их долю тяжелых невзгодах, они как-то незаметно, даже для них самих, переходили на плач, со слезами в голосе начинали импровизировать. Буквально на глазах рождались истинные шедевры народного поэтического эпоса.

Подытоживая результаты всех проведенных под его руководством фольклорных экспедиций, В.Г. Базанов писал: «На Печоре мы наблюдали обряд проводов на фронт, в Заонежье – оплакивание разрушенных «хоромных строений», посещение кладбищ, где похоронены родственники, в Пудожском крае записывали при получении похоронных извещений и в дни встречи демобилизованных воинов»¹¹. Записи фольклорных произведений, сделанных в военные годы, представляют до сих пор большую общественно-политическую значимость, они являются подлинными документами настроений народных масс в годину военного лихолетия. Трудно представить поэтическую летопись Великой Отечественной войны без этих причитаний простых женщин-крестьянок, где со всей искренностью рассказывали о бедствиях военного времени, об ужасах фашистской неволи.

¹⁰ Правда. 1944. 8 дек.

¹¹ Русская народно-бытовая лирика. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1962. С. 10.

Собранные в экспедициях фольклорные записи в их полном объеме были подготовлены для опубликования в издательстве Академии наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) утвердил эту тему в качестве докторской диссертации В.Г. Базанова. На первый взгляд судьба была благосклонной к молодому ученому. На деле же все оказалось не так просто.

Война закончилась, наступило время переоценки многих положений и взглядов, сложившихся в военные годы.

Огни праздничных салютов, медь победных оркестров, пышные словословия отодвинули в сторону жесткую правду о войне, о трагических испытаниях, выпавших на долю народа. Характерным примером может служить реакция на знаменитое стихотворение Михаила Исаковского «Враги сожгли родную хату», попавшее под огонь яростной критики. Одним из эпизодов развернутой против «очернительства» кампании стало запрещение в 1946 г. цензурой книги В.Г. Базанова «За колючей проволокой». То, что вчера считалось актуальным, нужным, теперь стало выражением неверия в силы народа, к тому же в искренних народных плачах и причитаниях, рожденных к жизни страданиями простых людей, не было места здравицам «величайшему полководцу всех времен и народов». Затем последовало уничтожение в типографии издательства Академии наук книги, уже находившейся в наборе, автоматически был наложен запрет и на тему докторской диссертации В.Г. Базанова.

Отголоском этих событий стало появление на страницах «Литературной газеты» в феврале 1948 г. рецензии на вышедшую годом раньше монографию В.Г. Базанова «Народная словесность Карелии» под весьма выразительным заголовком «Плач и причитания фольклориста». Хотя в книге затрагивались только классические жанры русского фольклора Карелии, рецензент М. Ряхин, явно имея в виду современные аспекты проблемы, писал: «Одна из серьезных ошибок В.Г. Базанова состоит в том, что основным жанром народного творчества он считает причитания. Изображение русского народа пассивным, страдающим, безропотно переносящим свое горе, в корне неверно»¹².

И вовсе погромный характер носила опубликованная в том же 1948 году в журнале «Новый мир» статья Николая Леонтьева «Затылком в

12 Литературная газета. 1948. 11 февр.

будущее»¹³, того самого Н.П. Леонтьева, которого Т. Иванова упоминает как одного из основных теоретиков и практиков той формы сотрудничества сказителей и собирателей, которое «вело к созданию псевдофольклорных, мертворожденных творений»¹⁴. Статья же Николая Леонтьева появилась спустя месяц после печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ, завершившей уничтожение советской генетики, и явно ставила своей целью в характерном для той эпохи разносном стиле вынести убийственный приговор отечественной фольклористике, в чем автор заметно преуспел.

Нет возможности привести все те хлесткие обвинения, которые были щедро рассыпаны в тексте статьи. Приведем хотя бы одну цитату: «...в основе их (фольклористов – Н.Б.) взглядов лежат старые отжившие представления, сложившиеся еще во времена царя Гороха»¹⁵. Одним из «героев» этого опуса был В.Г. Базанов, ему был посвящен специальный раздел статьи, название которого – «Стряпчий от фольклора»¹⁶ сразу говорило о позиции автора. Отец в этой статье назывался ученым-схоластом, апостолом эклектики, отставшим от жизни, старательно избегающим встречи с действительностью. Особенно досталось книге В.Г. Базанова «Поэзия Печоры», и снова в центре критики были причитания. Зловещим предостережением звучали строки статьи: «Эти ошибки и упущения вызваны непониманием одной простой истины: мы живем не только в ином веке (фольклористы типа В. Базанова живут еще в XVII веке!), но и в совершенно иной общественной формации»¹⁷. Единственным, хотя и малым утешением могло быть только то, что в этой статье В.Г. Базанов был подвергнут проработке вместе с виднейшими ленинградскими фольклористами того времени М.К. Азадовским и А.М. Астаховой, хотя и здесь Н. Леонтьев объединил их «в особую корпорацию, которую трудно назвать иначе, как департамент по российским древностям»¹⁸.

Как видим, фольклористам доставалось не только в наше время. Практически об одном и том же периоде в истории русской фолькло-

13 *Леонтьев Н.* Затылком к будущему // *Новый мир.* 1948. №9. С. 249-266.

14 *Иванова Т.* Указ. соч. С. 46.

15 *Леонтьев Н.* Указ. соч. С.252.

16 Там же. С. 252.

17 Там же. С. 264.

18 Там же. С. 253.

ристики можно, оказывается, говорить с диаметрально разных позиций. Но в обоих случаях (как это у Н. Леонтьева и Т. Ивановой), находясь в плену у заранее составленных умозрительных конструкций, оставлять за собой право на навешивание оскорбительных ярлыков, на вынесение окончательного и бесповоротного приговора. Впрочем, один из законов диалектики заключается в единстве противоположностей.

Но в реальной жизни интерес к народному поэтическому творчеству времен Великой Отечественной войны не пропал. Фольклористы вскрывали новые пласты поэтических сокровищ, отдавая дань приоритету В.Г. Базанова. Они часто ссылались на статью в «Правде», хотя сплошь и рядом речь шла о материалах, содержащихся в его запрещенной книге. Только в хрущевскую оттепель в 1962 г. удалось напечатать собранные в военные годы В.Г. Базановым и его ученицей А.П. Разумовой записи плачей и причитаний в книге «Русская народно-бытовая лирика». И тогда появились другие рецензии, объективно рассматривавшие сделанное авторами. Наиболее точной оценкой явилось название одной из них — «Обвинительный акт против войны».

В Заонежье мне удалось попасть только через 40 лет после нашей поездки с отцом, уже после его кончины. В литературно-фольклорной экспозиции Государственного музея-заповедника «Кижи» я увидел портрет отца, а рядом была увеличенная фотокопия его памятной статьи военного времени в «Правде».

*В. Г. Базанов (справа) и писатель
Евгений Львович Шварц.
Комарово, 1950-е гг.*

*В. Г. Базанов (слева) и неизвестный.
Кижы, 1960-е гг.*

Андрей Николаевич Базанов,
кандидат экономических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет

В. Г. Базанов и Комарово

Василий Григорьевич Базанов (1911–1981), известный советский литературовед, фольклорист, очень любил посёлок Комарово. С 1955 г. и почти до своей кончины он постоянно жил на своей даче. Впервые Василий Григорьевич приехал в Комарово вскоре после войны в Дом творчества писателей и очень полюбил это место. Поэтому когда Литфонд выделил участки под застройку, сразу же приобрел один из них. Основой для строительства дачи послужил купленный в одном из колхозов Приозерского района сруб из заброшенного финского хутора.

Жизнь Базанова, как впрочем и абсолютного большинства советских людей, не была лёгкой. Родился он в многодетной семье лесничего в деревне Вожерово Костромской области, детство и юность провёл в забытых богом местах на реке Унже в небольшом городке Кологриве. Лесничий в послереволюционное время – это был почти кулак, и после окончания средней школы в Галиче у Базанова возникли проблемы с поступлением в институт, а потом и с учёбой в нём. В конце концов ему удалось окончить Горьковский университет и поступить в аспирантуру Государственного института речевой культуры в Ленинграде. Казалось бы после защиты кандидатской диссертации карьера Базанова складывалась вполне благополучно: заведовал кафедрой литературы в Петрозаводске, сначала в Педагогическом институте, потом в университете, после войны поступил в докторантуру Института русской литературы («Пушкинский дом») в Ленинграде, защитил докторскую диссертацию, в 1962 году был избран членом-корреспондентом АН СССР, а с 1965 по 1975 год был директором Пушкинского дома. На последние два факта хочу обратить особое внимание, потому что они во многом характеризуют моего деда как очень талантливого, нестандартного, самостоятельного, волевого, целеустремлённого человека. В советское время сложился негласный подход к избранию в Академии наук членов-корреспондентов и академиков. Очень часто власти не могли найти достойного руково-

дителя для того или иного академического института. Многие учёные не хотели заниматься административной работой, контактировать в силу служебного положения с партийными органами и отказывались от предлагаемой должности. Чтобы склонить их к согласию, аппаратчики в качестве компромисса обещали им обеспечить избрание в члены Академии, и зачастую такой ход срабатывал. Примеров тому можно найти массу. Что же касается В.Г. Базанова, он был избран тайным голосованием в члены-корреспонденты будучи старшим научным сотрудником. Случай очень редкий, свидетельствующий о подлинном признании его научных достижений академиками АН СССР (тогда члены-корреспонденты ещё не участвовали в выборах). А директором Пушкинского дома он был назначен лишь через несколько лет, не получив за взваленную на свои плечи ношу никаких дополнительных званий.

Среди научных достижений В.Г. Базанова можно выделить проведение фольклорных экспедиций, запись и публикацию песен, плачей и причитаний народных сказителей Русского севера.

В 1958 г. Базанов основал журнал «Русская литература», ведущее периодическое издание в данной области, главным редактором которого он был по 1967 г.

Очень близка ему, выходцу из сельской глубинки, была поэзия крестьянских поэтов, прежде всего Сергея Есенина. В значительной мере поэзия Есенина сформировала его литературные вкусы. В молодости Базанов даже написал несколько стихотворений в подражание Сергею Есенину, подписывая их псевдонимом Василий Унжак. Поэзия Сергея Есенина – одна из самых любимых научных тем В.Г. Базанова. Он многое сделал для того, чтобы Есенина начали публиковать, чтобы он снова был признан великим русским поэтом. Венцом этих усилий был выход в 1975 г. сборника стихотворений Сергея Есенина с вступительной статьёй Василия Базанова. Эта книга продавалась лишь обладателям талонов за сданные 20 кг макулатуры. Ближе к концу жизни дед уделил пристальное внимание творчеству ещё одного крестьянского поэта начала XX века Николая Клюева. Клюев долгие годы считался антисоветским поэтом, и Базанову пришлось приложить колоссальные усилия, дабы о поэзии Клюева стало можно писать, а его стихи публиковать. В 1977 г. в серии «Библиотеки поэта» впервые за долгие годы фактического забвения вы-

шел сборник стихов Клюева, подготовленный Василием Григорьевичем. Тем не менее, книгу самого В.Г. Базанова о поэзии Николая Клюева «С родного берега» разрешили напечатать лишь через девять лет после смерти автора в 1990 г. и то, сократив её почти в два раза.

Трудности с реабилитацией Клюева и в какой-то мере Есенина не идут ни в какое сравнение с тем, что пришлось пережить в сталинское время. Атмосфера доносов, всеобщего животного страха как за себя, так и за свою семью характеризуют то время. Бабушка рассказывала мне, как живя до войны в Петрозаводске, она в ужасе вздрагивала от каждого ночного шума на лестнице. Наутро выяснялось, что приходили к соседям, часто это были сослуживцы деда, и теперь уже от порядочности и стойкости арестованных зависела судьба их знакомых. Хотя доносы на Базанова писались неоднократно, Бог миловал, дед выжил в эти страшные годы и сумел уберечь своих близких. Правда, его отца и мать как «кулаков» всё-таки сослали на несколько лет в Сибирь. Ситуации бывали самые страшные, например, в сентябре 1948 г. в журнале «Новый мир» появилась статья «Затылком к будущему», в которой Базанов назывался «стряпчим от фольклора», «ученым-схоластом, ученым-эkleктиком». «Фольклористы типа Базанова живут все еще в XVII веке!», — писал автор. Ещё ранее в феврале того же 1948 г. в «Литературной газете» вышла рецензия на одну из книг В.Г. Базанова под заголовком «Плач и причитания фольклориста». В рецензии Базанова обвиняли в «изображении русского народа пассивным, страдающим, безропотно переживающим свое горе». Подобные публикации в те годы были почти приговором.

Конечно, Василий Григорьевич был сыном своего времени. Как и у всех, были у него свои недостатки, странности. Кого-то он любил несмотря ни на что, кого-то не переносил на дух. Он был членом КПСС, атеистом. В какой-то мере он верил в идеи социальной справедливости, был достаточно честолобив и понимал, что, не будучи членом партии, свои научные замыслы не реализовать. Но в то же время он, конечно, осознавал многие проблемы, накапливающиеся в обществе. Примечательны в этом смысле два эпизода, произошедшие при моём непосредственном участии. Однажды, когда я учился в восьмом классе, классная руководительница в качестве последнего довода сказала мне: «Базанов, ты хорошо учишься, тебя возьмут в девятый класс, а кого-то не возьмут. И отчис-

ленные могут спросить: почему Базанова взяли, он же не комсомолец?». Пришлось вступить в ВЛКСМ, но всё же на год позже, чем большинство одноклассников. Когда я сообщил деду, что теперь являюсь комсомольцем, он неожиданно для меня довольно сердито сказал, что вообще-то, предпринимая такие ответственные шаги, нужно было посоветоваться со взрослыми. Через пару лет произошёл ещё один важный для меня разговор. В десятом классе я, наконец, всерьёз стал задумываться о собственном будущем, купил справочник «ВУЗы Ленинграда» и стал выбирать себе специальность и институт. Очень мне понравилось то, что было написано о специальности «политическая экономия» на экономическом факультете ЛГУ. Поделился своим выбором с дедом. И вот тут он очень вовремя предостерег меня от весьма опрометчивого шага. «А ты знаешь, чем занимаются политэкономы? Изучают “Капитал» Маркса»», — сказал дед. Этой короткой фразы хватило, чтобы я быстренько профпеориентировался.

Комарово в последнее время известно в основном благодаря воспоминаниям о пребывании в посёлке поэтессы Анны Ахматовой, поэта Иосифа Бродского и их окружения. Многие знают и о той части Комарово, которая получила по аналогии со старым названием посёлка Келломяки в народе имя Академяки, что в переводе на официальный язык означает Академический городок. Но был в Комарово и Писательский городок. Это та его часть, в сторону Залива от железной дороги, ближе к Репино, где под застройку членам Союза писателей давали участки, выделенные Литфонду. Именно там и построил дачу В.Г. Базанов. Среди ближайших соседей вспоминаются коллега деда по Пушкинскому дому профессор Мейлах Б.С., известная советская писательница, лауреат Сталинской премии, автор романа в духе соцреализма «Мужество» Вера Кетлинская, писатели Леонтий Раковский, Всеволод Воеводин, Иван Неручев, поэт Николай Браун с супругой поэтессой Марией Комиссаровой и другие. Но не все участки были выкуплены писателями, поэтому постепенно появились и другие соседи. Рядом построил дачу известный педиатр, профессор Эммануил Фридман, потом на ней многие годы жила семья его сына, тоже детского врача Александра Эммануиловича, напротив была дача философа, профессора Лазаря Резникова, неподалёку жили знаменитый композитор Василий Павлович Соловьёв-Седой, ректор Корабле-

строительного института Евгений Товстых, хирург Углов, заслуженный строитель Александр Васильевич Львов, руководивший строительством в Курортном районе многих санаториев и пансионатов. Кстати, живя в Комарово, Львов сделал всё возможное, чтобы его не застроили как Зеленогорск или Репино безликими кирпичными коробками. Позже в этом же районе приобрёл дачу знаменитый оперный певец Сергей Петрович Лейферкус. Были поблизости и две дачи дачного треста. В одной проживал начальник ленинградского ОБХСС, а во второй первый заместитель председателя Леноблисполкома Михаил Алексеевич Таиров.

Отношения почти со всеми соседями были доброжелательные. Нельзя сказать, что дед с кем-нибудь из них поддерживал особо дружеские отношения, но иногда то один, то другой заглядывали к нам дачу. Некоторые из соседей запомнились по каким-нибудь особенностям своего поведения, привычкам, увлечениям. Так, ректор Корабелки Евгений Васильевич Товстых по прозвищу «морячок-рыбачок» был самым удачливым рыболовом на нашем побережье. У него была большая белая пластиковая лодка, внутри красная. Сделана она была в мастерских Кораблестроительного института по специальному проекту и производила на всех рыбаков большое впечатление. Дед мой тоже обожал рыбалку, и однажды Товстых пригласил его с собой на вечернюю зорьку. Улов был большой. После этого дед тоже купил лодку. Все лодки хранились прямо на пляже. Так продолжалось до конца 80-х годов, когда волна вандализма прошла по тихим тогда ещё берегам Залива, и с тех пор оставленных на берегу лодок уже не встретить.

Вспоминается высокая худощавая фигура Бориса Соломоновича Мейлаха, часто гулявшего вдоль забора в неизменной тубетейке. Мейлах — лауреат Сталинской премии за книгу «Ленин и проблемы русской литературы конца XIX — начала XX в.». На полянке над обрывом возле своей дачи в центре Писательского городка он предлагал поставить памятник Горькому как основателю Союза советских писателей.

Одно время у нас почти постоянно обедал Иван Неручев. Потом отношения деда с ним по каким-то причинам испортились, и Неручев стал обедать у Углова. Однажды, когда в студенческие годы я был в стройотряде, мне в руки попала книжка Неручева. Читать было нечего, и я решил узнать, что же пишет наш сосед. Книжка представляла собой сборник небольших рассказов, в которых благодаря бдительности простых со-

ветских колхозников органы НКВД разоблачали вредителей, шпионов, врагов народа. Следует отметить, что автор в сталинское время работал прокурором военного трибунала.

Профессор Резников в шестидесятые годы был тяжело болен. Добираться до станции без отдыха ему было тяжело. И его сын сделал вдоль всей тропинки, ведущей к вокзалу через лес, на месте которого позже был построен новый корпус детского санатория, небольшие скамеечки. Выглядело это очень трогательно. Во время строительства санатория снесли стоявшую примерно посередине массива дореволюционную двухэтажную деревянную дачу.

Про Соловьёва-Седого очевидцы рассказывали, что, по его словам, в первоначальном варианте знаменитой песни пелось о «ленинградских вечерах», и только по настоятельной просьбе руководящих органов они превратились по случаю проведения в 1956 г. в Москве Международного фестиваля молодёжи и студентов в «подмосковные вечера».

Интересна судьба Михаила Алексеевича Таирова. Организатор первой воздушной дороги жизни в блокадный Ленинград после войны был арестован по «Ленинградскому делу» и провёл пять лет в заключении, причем сидел со знаменитым монархистом В.В. Шульгиным. После освобождения вновь был принят на руководящую работу, прожил долгую трудовую жизнь.

Но, к сожалению, не со всеми соседями отношения были безоблачными. Очень ссорился В.Г. Базанов с Фёдором Угловым. У последнего была большая чёрная овчарка Акбар, с которой он гулял без поводка и намордника. Дети её очень боялись, и дед при встрече постоянно делал ему замечания. Кончилось всё это тем, что Василия Григорьевича вызвали в Зеленогорск, где в отделении милиции показали донос на него. В нём утверждалось, что Базанов является создателем и руководителем некой сионисткой организации. Подпись стояла – Ф. Углов. Времена, славу богу, были уже не столь жестокие, и, потрепав деду нервы, сотрудники правопорядка отпустили его на все четыре стороны. Через некоторое время, когда дед попытался обвинить заявителя в клевете, письмо таинственным образом из отделения милиции исчезло. Зная об этом и некоторых других поступках известного хирурга, я с немалым изумлением слушал, как в своих интервью он объяснял причины своего долгожительства тем, что он всегда делал людям только добро.

Довольно часто в гости заходили и другие, проживающие подальше комаровские дачники. Среди них вспоминаются академик Жирмунский, будущие академики Бушмин и Лихачёв, член-корреспондент АН СССР Реизов, профессора Берковский, Бурсов, Макогоненко, писатель Гранин и другие.

С Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым Базанов работал в одном институте и, занимая руководящую должность, немало сделал, чтобы, несмотря на своё сомнительное, с точки зрения властей, прошлое, он мог полноценно трудиться, публиковаться, выезжать в заграничные командировки. Однажды Базанов и Лихачёв вместе участвовали в конференции, проводившейся в Риме. После их возвращения мы были приглашены в гости к Лихачёву в его комаровскую квартиру в кооперативном доме в Академическом городке. Там Дмитрий Сергеевич показывал всем приглашённым снятый им фильм о пребывании в Италии. На многих кадрах появлялся дед. Интересно сохранилась ли где-нибудь та плёнка?

В том же доме проживал и очень колоритная личность, друг В.Г. Базанова и наш частый гость профессор Георгий Пантелеймонович Макогоненко. Бывший муж Ольги Бергольц, очень импозантный, всегда в костюме-тройке, раскуривающий после чая неизменную сигару Макогоненко производил впечатление даже на детей. После его ухода наша дача ещё долго благоухала диковинным сигарным ароматом.

Вспоминается и Борис Георгиевич Реизов. Небольшого роста, смуглый, непоседливый он был специалистом по французской литературе. У Реизовых была собственная машина, что в 60-е годы было редкостью. Однажды мы поехали с Реизовыми за грибами. После прогулки по лесу присели перекусить, и тут Реизовы меня поразили. Они стали угощать нас чёрными маслинами. Вещь в те годы невиданная.

Ездили за грибами и с давним приятелем В.Г. Базанова Алексеем Сергеевичем Бушминым. Помню, как академик Бушмин переживал, когда я уже нашёл несколько белых, а он ещё ни одного. Пришлось пойти вместе с ним и буквально подвести к крупному красивому боровику. Тогда он успокоился.

Хорошо помню я и часто бывавшего у нас старшего брата Василия Григорьевича, полковника, профессора Алексея Григорьевича Базанова. В то время он уже был тяжело болен. В годы войны ему пришлось во-

евать на Невском пяточке. После войны он занимался педагогической деятельностью. Ближе к концу жизни был профессором кафедры педагогики института культуры. Дачу он по примеру брата купил в Комарово на 1-ой Дачной, недалеко от станции.

Василий Григорьевич был человеком очень хлебосольным. На даче часто ночевали, а то и жили его иногородние коллеги, приятели, постоянно после ужина в доме творчества заходили проживающие там знакомые, а иногда и незнакомые литераторы. Среди приезжавших с ночлегом могу упомянуть друга В.Г. Базанова, профессора Саратовского университета Евграфа Ивановича Покусаева, профессора из Южно-Сахалинска Марка Вениаминовича Теплинского, ученика Базанова, в будущем тоже профессора В.В. Коржана из Ферганы, филолога Кима Давлетова из Казани и некоторых других.

Гораздо больше знакомых приезжали с однодневным визитом. Это были сотрудники Пушкинского дома, а также друзья В.Г. Базанова — поэт Александр Решетов, поэт-цыган Леонид Хаустов, поэт Сергей Орлов, дважды горевший во время войны в танке, скрывавший ожоги на лице бородой и ходивший даже летом в перчатке на протезе одной из рук. Особенно известно стихотворение Орлова «Его зарыли в шар земной...». Помню, как в гостях у деда был поэт и писатель Анатолий Жигулин из Воронежа. Только потом, уже в перестроечные времена, я узнал из его пронзительной автобиографической повести «Чёрные камни» о том, что ему пришлось пережить в сталинских застенках. Приезжали к деду в Комарово и академик литературы В.В. Виноградов, и родная сестра Сергея Есенина Екатерина, и известный советский писатель и дипломат Николай Трофимович Федоренко. Федоренко приехал к нам на дачу зимним вечером вскоре после возвращения из США, где в течение 5 лет был Постоянным представителем СССР при ООН и Совете Безопасности, а до того он 4 года являлся послом СССР в Японии. Для меня это был пришелец из другого мира. Он рассказывал какие-то совершенно невероятные истории и подарил мне несколько упаковок американской жевательной резинки. Это была сказка! В течение нескольких месяцев, растягивая удовольствие, я жевал жевачку по четвертинке пластика, вызывая всеобщее изумление и зависть. Загадочно выглядел и профессор из Петрозаводска Эйно Карху. Финн по национальности, он

знал несколько языков и однажды в ходе разговора с моим отцом о футболе сказал, что видел какую-то западную команду на поле. Отец хорошо знал историю советского футбола и очень про себя удивился, где же и когда Карху мог быть на футбольном матче, ведь в СССР эта команда никогда не приезжала. Современному россиянину, может быть, трудно понять, чему здесь удивляться. Но тогда советский человек оказаться на Западе практически не мог, а уж сходить там на футбольный матч — это вообще что-то нереальное.

Неоднократно на дачу приезжали и иностранцы. В основном это были русисты из социалистических стран. Особенно часто бывала у нас Екатерина Даскалова из Болгарии, снявшая документальный фильм о Лихачёве, и литературовед из Югославии Нико Мартинович. Черногорец по национальности, во время войны он был партизаном. Однажды попал в плен к уставам, хорватским националистам, поддерживающим фашистов. Они придумали ему зверскую казнь: обмотали в колючую проволоку и бросили катиться с высокой горы. Но ему удалось выжить, а его тело навсегда было искалечено страшными шрамами. Интересный эпизод связан и с визитом родителей одной молодой итальянки, приехавшей на стажировку к В.Г. Базанову в Пушкинский дом. Её отец оказался весьма обеспеченным адвокатом, одним из руководителей компании «Фиат», и чтобы его достойно принять, партийные власти выдали деду разрешение на разовую покупку продуктов в специальном складе. Склад этот находился в здании церкви Иконы Казанской божьей матери в Зеленогорске. Тогда там не было ни луковок с крестами, ни икон, а в полумраке внешне заброшенного, но всё равно великолепного здания стояли коробки, ящики, бочки со всякой недоступной даже члену-корреспонденту и директору института снедью. Там была и красная, и черная икра, и осетрина с сёмгой, и сырокопчёная колбаса...

Но, конечно, самыми частыми гостями были всё же постояльцы Дома творчества писателей. Первый, о ком хочется вспомнить, это Фёдор Абрамов. Живой классик, как любил подтрунивать над ним дед ещё в те годы, когда об Абрамове мало, кто знал, бывал у нас почти каждый месяц, в каждый приезд в Дом писателей. Любопытно, что начинал Абрамов как литературовед, и уже тогда подружился с Базановым. Как-то раз, работая заведующим кафедрой советской литературы на филфаке ЛГУ,

Абрамов дал Базанову рукопись с просьбой прочитать и высказать своё мнение. Недели бежали, но дед так и не нашёл времени. В итоге он передал рукопись бабушке со словами: «На, прочитай. А то Фёдор мне её уже давно дал, а мне всё некогда. Неудобно уже». Через некоторое время дед спрашивает: «Ну, что? Прочитала?». «А, знаешь, родился Писатель», — ответила бабушка. Это был первый, ставший сразу знаменитым роман Фёдора Абрамова «Братья и сестры». Фёдор Абрамов как настоящий писатель страдал, душой чувствовал всю ту фальшь, которая окружала нас в 70-х, 80-х годах. Одним из первых он пытался публично поставить вопросы о судьбе русской деревни, о неэффективности советской системы, бессмысленности нашей тогдашней жизни. Помню, как он говорил, что о войне правда ещё не написана. Сам он во время войны служил в охране лагерей, и это тоже его всегда очень тяготило. До сих пор у нас даче хранятся лыжи Фёдора Абрамова, которые он оставлял у нас, чтобы каждый раз не возить их из города.

Очень часто заходили к нам и завсегдатаи Дома творчества, известные писатели — лауреат Сталинской премии Александр Морозов, автор книг о Ломоносове, и Виктор Бакинский, всегда знавший все новости Союза писателей.

Интересная история связана с появлением на даче известного поэта Глеба Горбовского. Дело было холодным зимним вечером. В дверь постучались два знакомых деду пожилых писателя, проживавших тогда в Доме творчества. Они рассказали, что в сугробе на Большом проспекте лежит в нетрезвом состоянии и не может подняться известный филолог, сотрудник Пушкинского дома, доктор наук В.И. Малышев. Ни нашедшим его писателям, ни деду, который был уже немолод, его было не дотащить. Взяли со двора большую тачку и позвали на помощь также проживавшего в то время в Доме писателей молодого ещё поэта Глеба Горбовского. С его помощью Малышева погрузили на тачку и благополучно довели до дачи. А благодарные писатели познакомили деда с начинающим поэтом. На следующий день всей компанией вечером они вновь пришли на огонёк, и Горбовский читал свои стихи. Василию Григорьевичу они очень понравились.

В заключение хочется подчеркнуть, что Василий Григорьевич Базанов был серьёзным учёным. Он не писал биографий писателей и поэтов,

не рассказывал об их жёнах и скандалах. Он исследовал их творчество, искал и собирал народные плачи и причитания, работал в архивах. В то же время Базанов ни в коем случае не был таким утончённым эстетом, любителем всего прекрасного, каких в 70-е, 80-е годы в Ленинграде было довольно много. Он не увлекался живописью, кино, театром, почти не смотрел телевизор. Мне он говорил, что век энциклопедистов прошёл, нового Ломоносова уже не будет. Пришло время узких специалистов. Он и внешне никак не походил на великого учёного. В душе он оставался крестьянином, и, когда позволяли обстоятельства, с огромным удовольствием пилил и колол дрова, сажал розы и георгины, собирал грибы и ловил рыбу. Особенно меня удивляла его оставшаяся с детства любовь к лошадям. В те годы увидеть лошадь можно было только в деревне. Но иногда к нашей даче подъезжали на телеге цыгане, продающие мёд. Дед забывал всё. Он хватал солёный огурец или кусок чёрного хлеба с солью и бежал к лошади. Даже финские санки, на которых мы катались по комаровским заснеженным улицам, имели лошадиные клички: Сивка-бурка, Вороной, Кобылица. А наряду с друзьями-коллегам он очень любил земляков из Костромской и Вологодской областей, кем бы они ни были: и сварщиками, и учителями, и лесорубами, и трактористами. Так и неосуществлённой мечтой В.Г. Базанова осталось путешествие на плоту по Унже в родной Кологрив.

Впервые опубликовано в сокращённом виде:

Путешествие на плоту жизни:

*В. Г. Базанов и Комарово: к 100-летию со дня рождения //
В Курортном городе С. 2011. 23 июля, № 6. С. 3.*

В. Г. Базанов и П. Н. Базанов. Комарово, 1973 г.

В. Г. Базанов на террасе дачи. Комарово, 1950-е гг.

*В. Г. Базанов и писатель Александр Михайлович Линеvский
(1902–1985)*

*Слева на право: А. Н. Базанов, В. Г. Базанов, писатель Федор
Александрович Абрамов (1920–1983), литературный критик
Людмила Владимировна Крутикова-Абрамова (1920–2017),
неизвестная, Комарово, 1973 г.*